

Геннадий Ильин

Под лепестком несущего винта

Книга вторая

Геннадий Ильин

**Под лепестком несущего
винта. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ильин Г. Ф.

Под лепестком несущего винта. Книга вторая / Г. Ф. Ильин —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-12589-6

Вторая книга трилогии "Любовь и небо". Судьба распорядилась служить во многих регионах и странах с разными людьми, делить с ними победы и поражения, усмирять бунты и восстания, голодать и спать под одной шинелью, до хрипоты отстаивать свою честь и достоинство, рисковать, быть на грани жизни и смерти, но всегда в критические моменты появлялось верное плечо незнакомого друга, спасающего от беды. Мне удивительно повезло служить с авиаторами, чистыми душой и открытыми сердцами. И это понятно – авиация других не терпит. Не все имена моих героев подлинны, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

ISBN 978-5-532-12589-6

© Ильин Г. Ф., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Часть 1	5
Глава первая	5
Глава вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Часть 1

Глава первая

– Манты! Манты Горячие манты!

Темнокожий человек с узким скуластым лицом и характерным прищуром каштановых глаз стоял у тележки с облезлыми термосами и монотонно зазывал к себе покупателей. Его когда – то белая куртка была заляпана жирными пятнами, брюки на коленях пузырились, а бывшие чёрными ботинки покрывал толстый слой серой пыли. Однако неряшливый вид энергичного и весёлого продавца нисколько не смущал. Соблазненный дразнящим аппетитным запахом, я, несмотря на непонятное слово, не удержался и попросил:

– Дай – ка парочку на пробу.

Продавец ловко выудил из термоса два варёных пельменя, по форме похожих на трюфели, бросил их на клочок бумаги и обильно посыпал сверху молотым красным перцем.

– С чем они у тебя?

– С мясом! – с гордостью ответил парень, и его раскосые глаза заблестели счастливым бисером.

Брызнул и потёк по пальцам густой тёмный сок, и я с удовлетворением отметил, что запах вполне соответствует вкусу импровизированного завтрака.

– О, – кивнул я на манты, обращаясь к узбеку, – да здесь один лук!

– Зачем один? – откровенно обиделся продавец. – Много лука!

Так состоялось моё знакомство с Азией, стороной для меня загадочной и своеобразной, со скудным ландшафтом и укладом жизни. Чахлая растительность прикаспийской полупустыни давно ожила, вдали, невидимой, но вполне угадывающейся реки, зеленел, опушенный желтизной, камыш и изумрудом светились роскошные лужайки неизвестной растительности. Несколько аборигенов, как бусами увешанные связками копчёной и вяленой рыбы активно торговались с пассажирами, вышедшими из вагонов поразмять ноги. Цены на рыбу были бросовыми, я не удержался и взял кусок осетрового балыка...

Столица Узбекистана поразила меня обилием зелени, чистотой и приземистыми глиняными зданиями, далёкими от шедевров европейской архитектуры. Люди в пёстрых халатах неторопливо спешили по своим делам, совершенно не обращая внимания на длинную фигуру лейтенанта, разинувшего рот от удивления: по противоположной стороне улицы, мелко семеня ногами, двигалась женщина в парандже.

Я остановился в гостинице «Ташкент», привёл себя в порядок, съел на обед вполне приличное и своеобразное местное блюдо под названием лагман и бодро зашагал в расположение штаба Туркестанского военного округа.

Кадровый чиновник в погонах капитана быстро посмотрел мои документы, полистал тонкое личное дело и сообщил, что меня направляют в вертолётный полк, дислоцирующийся в городе Кагане.

– Это в десяти километрах южнее Бухары, – пояснил капитан, вручая предписание и проездные документы. – Места, скажем так, легендарные и экзотические.

«Бог создал три дыры, – провозжая меня, сообщил всезнающий Толя Хоробрых. – Термез, Кушку и Мары». Каган в этом списке не значился, стало быть, жить в этом месте сносно. И я безропотно помчался навстречу неизвестности.

Через два дня, преодолев в неторопливом, останавливающимся у каждого столба поезде приличное расстояние, я покинул душный вагон, подхватил чемодан, узнал у станционного смотрителя, где живут военные. И бодро зашагал в направлении к гарнизону, с интересом

прислушиваясь к гортанному клёкоту горлиц, прятавшихся в густой листве пирамидальных тополей. Улицы сплошь состояли из глинобитных строений, и низкорослые дома глядели на меня узкими бойницами тёмных, ещё не проснувшихся окон. Мир был полон ароматом весенних запахов, и мягкий, тёплый воздух ласково обволакивал утренней свежестью. Вдоль улиц, сладко мурлыкая, бежала по арыкам кристально чистая вода, и первые лучи пронзительного солнца переливались в ней радужным многоцветьем.

Потревоженный солдат на контрольно–пропускном пункте в защитного цвета панаме вместо привычной глазу пилотке терпеливо разъяснил, как добраться до штаба. И я, достигнув цели, уселся на лавочку в ожидании начальства.

Вскоре гарнизон зашевелился, мимо, окидывая меня любопытными взглядами, проходили офицеры и в одном из них я узнал Володю Шутова, моего родственника по истребительному училищу. Мы крепко обнялись, и Вовка коротко обрисовал местную ситуацию.

– Служить можно, – резюмировал свой репортаж Шутов, – но не нужно: жарница здесь адова. Помнишь фильм про Космодемьянскую? Там есть ещё эпизод, когда Зою ведут босиком по снегу. На самом деле съёмки велись здесь, на солончаках, где от перегрева вся соль земли вылезла наружу. Так – то вот. Ну, я побежал. Заходи в офицерский клуб, там пока пристанище для прибывающего пополнения. Кстати, и Яхновский здесь, – назвал он фамилию нашего однокашника, поляка по происхождению.

Командир полка полковник Бравчук, небольшого роста, сухой и компактный человек, производил благоприятное впечатление. Он сообщил, что полк формируется, кадров не хватает, и если переучивание пройдёт успешно, прямая дорога для меня в командиры экипажа.

– Дерзайте, юноша, ваша судьба в ваших руках.

В тот же день меня определили в эскадрилью подполковника Федоренко, рослого и крепкого хохла с ярко выраженным украинским акцентом.

– Летать будешь лётчиком – штурманом в экипаже старшего лейтенанта Кондратьева, – после недолгой беседы определил он. – С жильём туговато, но что-нибудь придумаем. Программу переучивания начнёшь с завтрашнего дня на «Ми – 4». Слышал о таком?

Я молча кивнул, и он, посмотрев на часы, благословил:

– Ну, иди с Богом.

Левое крыло офицерского клуба, куда я вошёл, оживлённо гудело. Человек пять, каждый одетый во что горазд, сгрудились вокруг биллиардного стола, заставленного пивными бутылками, и на повышенных тонах выясняли карточные проблемы. Моё появление было встречено с весёлым энтузиазмом и откровенной доброжелательностью.

– Лейтенант, – как к старому знакомому обратился ко мне пухлый блондин со стаканом в руке, – за что сослан в наши прекрасные края?

Я коротко рассказал свою немудрёную биографию и по лицам ребят определил, что был понят.

– Что ж, выбирай себе кровать, а вечером пропишешься, – подытожил мою исповедь словоохотливый блондин, которого все называли Боб, и отвернулся к собеседникам.

Я облюбовал место возле оркестровой ямы и занялся благоустройством.

К вечеру мне удалось повидаться и с командиром экипажа Николаем Кондратьевым. Высокий, подтянутый и вполне накачанный старший лейтенант с небольшим шрамом на нижней губе производил хорошее впечатление. Быстрый в движениях, он и мыслил стремительно и непредсказуемо.

– Обучать вертолётному делу тебя будет замкомэска капитан Лавренёв. Мужик нормальный и знает толк в своём деле. Усёк?

Я усёк.

– И с этого момента станешь моей тенью. Усёк?

Господи, конечно усёк.

– Работа начнётся после первомайских праздников, а пока внедряйся в коллектив. Как тебе, вертолёты, нравятся?

Откровенно говоря, душа моя противилась этому аэродинамическому безобразию, но в порядке субординации и уважения к профессии командира ответил, что в восторге от возможности летать хвостом вперёд.

Коля заулыбался и поощрительно похлопал меня по плечу.

По случаю Международного праздника трудящихся личный состав полка построили на плацу, и командир части, тот самый Бравчук, небольшого росточка полковник, по облику и манерам похожий на Суворова, поздравил нас с Днём солидарности людей всего мира и его окрестностей и предоставил слово начальнику политотдела подполковнику Воспянскому. Идеальный вдохновитель и организатор полковых побед не стал затягивать зажигательную речь, но в заключение напомнил, что отметить праздник достойно заставляет нас осознанная необходимость и сложная международная обстановка.

Я стоял во второй шеренге второй эскадрильи рядом с Шутовым, окутанный лёгкой аурой вчерашней «прописки», и тоскливо ждал команды «разойдись». Вскоре строй действительно рассыпался, но офицеры сбились в кучки по интересам, фотографировались «на память» и экспромтом планировали проведение праздника.

Володька Гвозденко, долговязый нескладный бортовой техник, дыша ароматом вчерашних напитков и закусок, держал в руке рублёвую купюру, шлёпал ею по жёсткой ладони и негромко, но призывно предлагал:

– По рыжему, по рыжему, по рыжему...

Я, Шутов и Яхновский живо откликнулись на страдающий голос техника, и вся компания отправилась на рынок. Только там в это раннее время можно было без особых хлопот обменять «рыжие» на водку.

Базар гудел и жил своей, только ему, свойственной жизнью. Поражало обилие фруктов и зелени. Цены на экзотические продукты были удивительно низкими. Только что произошла денежная реформа десять к одному, но на базарные стоимости это никак не отразилось. Как были «дамские пальчики» по сорок копеек за килограмм, так и остались. «Так привычней», – рассудили торгаши, потирая руки с удовлетворением.

На ребят изобилие южных даров на прилавках не подействовало, привыкли, и Гвозденко уверенно повёл за собой группу к стоящему в сторонке мангалу, от которого исходил дразнящий и знакомый шашлычный запах. Молодой узбек, демонстрируя в улыбке белоснежные зубы, радостно, как родных, приветствовал нас, и без лишних слов сервировал широкое блюдо помидорами, свеженькими огурчиками, изумрудной зеленью и снятыми с мангала шашлыками.

Я не заметил, откуда в руках техника оказалась бутылка, и он немедленно опорожнил её в гранёные стаканы.

– Ну, с праздником! – торопливо произнёс он и ловко выплеснул водку в широко раскрытый рот. Мы последовали его примеру и набросились на шашлыки.

– Хлебца бы не мешало, – заметил я, хрустя сочной молодой редиской.

– А вот, – с готовностью протянул подобревший Гвозденко выуженный из кармана отполированный сухарь. Я засмеялся, но потянул его в рот.

– Эй, ты что! – перехватил мою руку Володька. – Его не кушать – его нюхать можно. Он у меня закусоном уже второй год служит.

Мы развеселились и по достоинству оценили юмор товарища.

Здесь же на рынке я и Шутов сняли подходящую комнату в частном доме минутах в пятнадцати от гарнизона. Жилище было чистеньким, светленьким, с яркими домоткаными ковриками и окнами, выходящими в роскошный сад. Не откладывая, мы занялись переселением, а гостеприимная хозяйка, пожилая узбечка в пёстром шёлковом платье и чёрными,

как смоль, глазами, с азиатской щедростью разрешила пользоваться садовыми и огородными дарами, сколько и когда угодно.

На следующий день мы проснулись под гортанные крики горлинок. Солнце поднялось уже высоко, и его жаркие, пробивающиеся через окно лучи, нежно ласкали наши молодые тела.

– Есть предложение, сэр, – сказал Шутов, растирая грудь полотенцем после обливания. – Здесь неподалеку имеется отличное Комсомольское озеро. Может, искупнёмся?

– Без балды, – тотчас согласился я. – Прихватим с собой ребят, закусок, и устроим праздничный пикничок в американском стиле.

– Замётано.

Одетые по гражданке, мы, не торопясь, отправились на завтрак. Людей на улицах почти не было, зато часто попадались разномастные ишаки, неприкаянно бродившие от дома к дому и перекликаясь между собой знаменитым сочетанием букв «и – а»..

– Такое впечатление, будто их повыгоняли, – походя, заметил я.

– Эт верно, – подтвердил мои догадки Вовка. – Вышло постановление Правительства об обложении всякой скотины налогом. Вот и вытурили ослов за ворота. С одной стороны, он как бы ничей, а с другой, – куда ему идти от привычного стойла.

– Умно.

– А как ты думал. Узбек – он смекалистый, и лишнюю копейку из кулака не выпустит.

В столовой наше предложение поддержали Яхновский и Матвейкин, парень основательный, самоуверенный, но суетливый. Он тоже был женат, однако, пока холостяковал ввиду отсутствия жилищных условий.

Если ехать из Кагана в Бухару по асфальтовой дороге, то сразу же за городом, справа от себя увидишь обширное водохранилище, обвалованное песком и глиной. Это и есть Комсомольское озеро, сооружённое энтузиазмом молодёжи. Водоёмы с таким названием имелись в каждом приличном городе. Однако местное население в них купается редко. Узбеки считают неприличным раздеваться на людях, и потому сюда приходят только приезжие и гарнизонные ребята. Вода в озере солоноватая, но кое – какая растительность по краям берегов произрастает.

От водоёма, куда ни глянь, ровная, как стол, полупустыня с чахлой колючкой, которую умудряются жевать верблюды, и перекасти – полем. Серый, с желтизной, ландшафт, населённый змеями, варанами, ящерицами, тарантулами и скорпионами наводит тревогу и грозным молчанием предупреждает об опасности. Ни единого деревца не видать до самого горизонта, поэтому Каган, утопающий в зелени, со стороны кажется, сказочно красив.

Мы подошли к пляжу, расстелили прихваченную с собой скатерть, сложили на неё пожитки, быстро разделись и с превеликим удовольствием погрузились в тёплую, как парное молоко, воду.

– Хорошо! – не удержался я от восклицания. – Как в раю.

– Это что! – на правах старожила пробасил Яхновский. – Вот подожди, съездим в Бухару, там такой классный бассейн во дворце эмира!

После купания и по случаю праздника мы дружно раздавили пузырь «московской», и с запозданием поняли, что на четверых этого до смешного мало.

– Я так и знал, – сказал Яхновский. – Вова, тебя за водкой посылали, а ты купил одну. Дуй, братан, в город, исправляй прокол, а заодно и пивка прихвати.

Давным-давно замечено, что на отдыхе мужики говорят о работе, а на работе – о женщинах. Наша беседа не была исключением.

– Тебе повезло, – начал Саша Матвейкин, вычерчивая на песке какие – то фигуры. – Эскадрилья у Федоренко слётанная, да и сам командир умница, своих в обиду не даёт. Но требователен по высшему классу. И заместители у него толковые. Тебя кто вывозить будет,

Лавренёв? О, этот от природы лётчик. Ас из асов. И мужик, что надо. Впрочем, сам скоро увидишь.

Мы успели ещё пару раз окунуться, пока не заметили Шутова, и дружно расхохотались. Вздыхая пыль, Вова мчался верхом на ишаке, размахивал длинными руками и что – то кричал. Ноги его цеплялись за землю, он их поджимал и, подгоняя, бил пятками по животу иноходца.

– Ну, и дела, бойцы, – ещё не отдышавшись, сказал Вова, сползая с ослиной спины. – Не поверите, но нашего полку прибыло. С сыном тебя, с наследником! – и он протянул мне телеграмму – молнию.

Я с волнением поднёс к глазам серый бланк и прочитал короткое сообщение: «От души поздравляем сыном 2 мая. Всё в порядке». И подпись – «Шамов».

Улыбаясь непроизвольно, я молча перечитывал текст и с трудом осознавал, что стал настоящим отцом. Вовка, толкнув меня в плечо, вывел из стрессового состояния, а Матвейкин телеграмму озвучил.

– Мужики, – проговорил я счастливым голосом, – пикник прекращается. Пошли в ресторан.

Через две недели после напряжённой теоретической подготовки в четыре часа утра я сидел в кабине вертолёта. Вёрткая, своенравная машина никак не хотела висеть над квадратом, рыскала по своему усмотрению, свободно гуляла по высоте и курсу и словно вулкан, вела себя непредсказуемо.

Капитан Лавренёв занимал правое кресло, корректировал мои спонтанные действия и по СПУ отпускал подсказки:

– Не торопись. Шаг – газом пользуйся пореже. Он тебе практически не нужен. Следи за землёй и не дёргай ручку управления.

Я старался изо всех сил, но стержневая машина мои усилия, похоже, игнорировала.

– Ручку управления держи легко, не выжимай из неё сок, всё равно не получится. Вот, смотри, – показал он один из своих эффектных трюков, вращая её, словно шумовкой в кастрюле.

К моему изумлению, вертолёт никак не реагировал на его агрессивные действия. Висел себе на трех метрах от земли, и висел.

– Машина тупая, – пояснил Лавренёв по внутренней связи, – имеет большой момент запаздывания, и чтобы предупредить возможную ошибку, нужно её предвидеть. А ну, давай ещё разок.

Мы садились и зависали, зависали и садились, отрабатывая элементы взлёта и посадки. Пот струился по спине и моему лицу, но руки были заняты, и смахнуть его было не чем. А в стороне от квадрата, над которым я мучился, сидели мои друзья и с любопытством наблюдали за укрощением строптивой.

Когда – то в цирке я видел, как ловко эквилибристы удерживают на вытянутом пальце волчком вращающийся мяч, и пробовал повторить этот трюк, но ничего не добился. Что – то похожее происходило и сейчас, только в роли мяча выступал вертолёт, который никак не хотел устойчиво вращаться на виртуальном пальце.

Наконец, через четверть часа немислимых истязаний машина опустилась в центре квадрата, двигатель выключили, лопасти прекратили свой сумасшедший бег и уныло, словно усы запорожца с похмелья, повисли по сторонам пилотской кабины. Не покидая сидения, инструктор стал анализировать мои ошибки, и их было так много, что я засомневался, смогу ли освоить это авиационное чудовище.

Наверное, я здорово сглупил, расставшись с самолётами – истребителями, где было всё легко и просто.

– А вообще, ты молодец, – закончив разбор, похвалил меня мой учитель. – У других хуже получается.

Я с недоверием поднял на него глаза, ожидая подвоха. Не разыгрывает ли? Но Лавренёв не шутил. Как же тогда другие летали?

Дважды ещё в эту лётную смену я шёл на приступ геликоптера, и с каждой минутой понимал, что нехотя, со скрипом, но строптивая, как женщина, машина уступает свои позиции.

Не прошло и недели, как я стал сносно взлетать, выполнять полеты по кругу и прилично садиться в ворота, обозначенные красными флажками.

С каждым днём становилось всё жарче. В полдень свирепое солнце все металлические предметы разогревало так, что без риска обжечься, прикоснуться к ним было невозможно. Казалось, разбей сырое яйцо, вылей его на капот, и через пару минут получишь готовую яичницу.

К обеду плотность воздуха заметно падала, и аэродинамические характеристики винтокрылых машин ухудшались. Только поэтому тренировочные полёты в районе аэродрома устраивались в утренние часы. Вставали задолго до восхода солнца, и к десяти часам смена заканчивалась.

Каждый вечер я писал жене любовные признания, рассказывал о своей жизни, о своеобразии и экзотике этой страны, расспрашивал о сыне и досадовал на то, что отсутствие жилья мешает нашей встрече.

Дважды я посещал Бухару и был сражён великолепием минаретов, эмирского дворца с его знаменитым зинданом и неповторимым базаром. Я сравнивал его с тем, каким видел в киноленте «Насреддин в Бухаре», и наяву базар заметно выигрывал. От обилия овощей и фруктов, дынь и арбузов, абрикосов, персиков и винограда рябило в глазах. Бойкие зазывалы на весь свет расхваливали свой товар, чуть ли не за руку ловили потенциальных покупателей, предлагая за бесценок фруктовые шедевры. Гвалт стоял невероятный, и в море людских голосов звонко вписывался перестук наковален уличных кузниц. Восточный базар – это не только место купли – продажи и обмена товарами. Это ещё и место встреч, свиданий и деловых отношений, место, где можно узнать свежие новости со всего Узбекистана и даже про отдельных лиц, живущих от Бухары за сотни и тысячи километров. В дни религиозных праздников сюда стекаются огромные толпы паломников, чтобы поклониться священной Бухаре, прикоснуться к её святыням, почерпнуть духовной энергии.

Зиндан – внутренняя дворцовая тюрьма – расположен в трехметровой толщины стенах дворца. В случае осады удар будет нанесен, прежде всего, по узникам, догадался я. В глубине стен за массивными решётками виднелись искусно выполненные муляжи осуждённых, закованных в цепи. Ужасающие условия их обитания вызывали трепет перед жестокостью правителя. Рядом, на дворцовой площади, словно космические ракеты, уходили в небо стройные минареты, облицованные голубой плиткой. Удивительно, но за многие века цвет её под неистовыми лучами разъярённого солнца никак не изменился. Впечатление было такое, что минареты сдали в эксплуатацию только вчера.

Я смотрел на неприступную твердыню эмира Бухарского и с трудом верил, что какие – то сорок лет назад его свергли революционные войска под командованием пролетарского полководца Михаила Фрунзе.

Обо всём этом я подробно рассказывал жене, стараясь сгладить её вынужденное одиночество, и настойчиво «пробивал» квартиру у начальника политотдела Воспьянского и жилищной комиссии.

По обоюдному согласию со Светланой мы нарекли своего сына Сергеем.

Между тем, вертолётный полк посетил корреспондент окружной газеты «Фрунзевец». Вполне понятно, что заражённый однажды военкоровским вирусом, не встретиться с ним я не мог. К сожалению, фамилию его я запомнил, зато портрет журналиста даже теперь стоит перед моими глазами. Это был высокий майор с пронзительным, как у гипнотизёра, взглядом из – под кустистых белесых бровей, с квадратным боксёрским подбородком и большими пудо-

выми кулаками. Более всего он отвечал требованиям, предъявляемым молотобойцам, чем к представителям изящной словесности. Шумливый, общительный непоседа, он сразу же взял меня в оборот и обязал подготовить ряд материалов, от которых дух захватило.

– Я у вас пару дней поработаю, а ты постарайся что–нибудь подготовить к моему отъезду. Лады?

Не знаю, беседа ли с ним о моём семейном положении, или другие сложились обстоятельства, но через неделю мне предложили крохотную квартирку в бывшем караван – сарае. Одноэтажное и глинобитное П–образное заброшенное здание не эксплуатировалось со времён революции, но предприимчивая КЭЧ, сделав профилактический ремонт, приспособила его для проживания лётно–подъёмного состава. Комнатка площадью метров в двенадцать и кухня – лилипут с газовой плитой привели меня в восторг, несмотря на то, что туалет и вода находились во дворе.

Я немедленно отстучал телеграмму – приказ в Сиверскую о приезде жены и интенсивно начал заниматься обустройством нашего гнёздышка. Жара стояла невыносимая, и чтобы поскорее заснуть, я вымачивал простынь, оборачивался ею, и в таком вот коконообразном виде засыпал.

Нет, решил я, без холодильника с маленьким ребёнком нам не выжить.

– Езжай в Учкудук, – посоветовали старожилы, – только там реально можно приобрести холодильную камеру.

Я уже слышал об этом месте. Под большим секретом мне рассказали, что там находятся урановые копи, и шахтёров материально снабжают на порядок выше остального населения, поскольку опасная работа заметно сокращала продолжительность их жизни. Однако без специального разрешения попасть на рудники никому не удавалось.

Собственно, я и не рвался на рудники, мне не уран был нужен, а банальный холодильник.

Не знаю, то ли форма моя помогла (узбеки военных глубоко уважают), то ли личное обаяние, но я нашёл на станции снабженца, который за небольшую мзду выделил для меня холодильник самой последней модификации, и в тот же день я с триумфом установил новенький «ЗИЛ» на кухне.

Ранним июльским утром на Бухарском аэродроме я встречал жену и сына. Неторопливый «Ан –2» важно зарулил на стоянку, выключил двигатель, и через минуту пассажиров стали выпускать на волю. Стоя в толпе встречающих, я во все глаза смотрел в проём двери, боясь упустить момент их появления.

Жена вышла в числе последних, бережно прижимая к груди небольшой серый свёрточек. Она быстро дошла до зоны ожидания, и мы встретились глазами. Я нежно обнял и поцеловал супругу, а она заплакала.

– Ну, что ты, что ты, – успокаивал я Светку. – Всё позади, и мы снова вместе.

– Ты посмотри, какое я тебе чудо привезла, – откинула она край простынки с лица младенца, и я впервые увидел моего сына, мирно посасывающего голубую пустышку. Кукольные черты парня с белесыми, как у матери, бровками и курносый, с пуговку, носиком, пухленькие щёчки и широкий подбородок вызвали умиление, и я осторожно принял из рук Светланы нашего наследника. На нас смотрели, и старик в ватном халате, заглянув через моё плечо внутрь приоткрытого кокона, щёлкнул языком и в восхищении сказал:

– Настоящий батыр будет!

Через час на стареньком такси с нехитрыми Светкиными пожитками мы торжественно въехали во двор нашего пристанища. Я открыл дверь и внёс Серёжу в помещение. Будто чувствуя важность момента, он проснулся и скривил губки. Глаза его бессмысленно уставились, пытаясь, очевидно, понять, кто такой этот дядька, позволивший его взять себе на руки.

Светка быстро осмотрела комнату, скользнула взглядом по кухне и разочарованно произнесла:

– И это ты называешь квартирой?

– Временной. Сейчас в Пролетарабаде, новом районе Кагана, строят коттеджи, каждый на две семьи. К осени сдадут, и мне обещали. Зато посмотри, какой холодильник! – похвастался я.

– Ну, осваивайтесь, обустраивайтесь, а я побежал в полк. Завтра с утра полёты.

Наступил август месяц, жаркий в прямом и переносном смысле слова. Я втянулся в работу и легко, ступень за ступенью осваивал азы летного мастерства. Меня допустили к полётам в качестве лётчика – штурмана, и теперь неотъемлемой частью моей экипировки стал ветрочёт, прибор, с помощью которого я вычислял скорость, направление ветра и давал командиру поправку в курс, по которому следовали. Ветрочёт и логарифмическую линейку. Кондратьев, самолюбивый и тщеславный, с пренебрежением благоволил к бывшим истребителям и ревностно относился к каждому моему успеху. Но, как мог, учил.

Как – то нам поставили задачу вылететь на Ашхабадский полигон для обеспечения учений. Задание было не ахти, какое сложное, но чтобы добраться до цели, нужно было преодолеть четыре сотни километров над безориентирной местностью. В однообразном ландшафте полупустыни не за что зацепиться взглядом. Привязкой для нужных расчётов служили, как правило, нанесённые на карту колодцы, действующие и заброшенные, похожие друг на друга, словно морды верблюдов, и растворённые в серо – жёлтом белесом мареве, как крупички риса в молоке: попробуй, найди. Правда, к северу от маршрута проходила железнодорожная магистраль Ташкент – Ашхабад, но она была вне видимости и годилась на случай блудёжки.

Ранним утром, попрощавшись с женой и сыном, я взял курс на аэродром, и с первыми лучами солнца вертолёт оторвался от земли. Командир по радио отработал с диспетчерским командным пунктом и поинтересовался, прихватил ли я с собой « тормозок». По неписанному правилу все лётчики – штурманы на путь следования запасались провиантом. На всякий случай, на случай вынужденной посадки, например.

– Обижаешь, командир, – с укором ответил я. – Харч – дело святое.

– Тогда всё в ажуре. Бери управление, – успокоился Кондратьев, и я перешёл к технике пилотирования.

До особого распоряжения мы получили корректировку произвести посадку на аэродроме Мары. С высоты птичьего полёта городок показался приплюснутым к земле, а истребители, выстроенные в одну шеренгу вдоль рулётной полосы, будто приклеенными алюминиевыми силуэтами на гигантский лист серой бумаги.

Зачехлив лопасти несущего винта, мы отправились на поиски гостиницы. Ей оказалась длинное здание барачного типа, такое же серое и унылое, как и всё вокруг. Зато рядом с гостиницей маняще сверкал чистой водой настоящий бассейн с отбортовкой и лестницами. Однако никого вокруг не было.

– Днём купаться запрещено, – опередил командир мой вопрос. – Начальник гарнизона считает, что в рабочее время надо работать.

Кроме нас в экипаж входил и летающий техник вертолёта старший лейтенант Панкратов. Скромный и ничем не привлекательный, спокойный и невозмутимый в любых ситуациях, офицер добросовестно тянул трудовую лямку и содержал машину в образцовом состоянии. Его часто «песочили» за пристрастие к игре в нарды на рабочем месте, но даже самые придирчивые проверяющие не находили изъянов на обслуживаемом им вертолёте.

– Я, конечно, могу растянуть работу на весь день, – откровенно признавался Панкратов технику звена, – но это во многом сложнее, чем сделать её быстро и качественно. Так что не насиливай меня, капитан, – говорил он инженеру эскадрильи, – по – человечески прошу.

Панкратов хранил в памяти сотни анекдотов, и с непревзойдённым мастерством рассказывал их на заданную тему. Рассудительный и серьёзный, среди друзей он пользовался безоговорочным авторитетом, и его мнением дорожили. Кроме того, он отлично готовил шашлыки и понимал толк в вине.

Я знал о нашей технике больше, чем остальные, потому что познакомился с его личным делом. Кадровик вначале заупрямился: кто ты такой, чтобы рыться в секретных документах, но я подключил к этому начальника политотдела, объяснил, что участвую в конкурсе на лучший очерк, объявленный окружной газетой, что Панкратов – мой будущий герой, и проблема была решена.

Вечером мы подошли к бассейну. Ни женщин, ни даже детей не было. А жаль: ничто не украшает более водную гладь, чем полуобнажённая рядом девушка. Не знаю, почему, но в моём восприятии это связано с Афродитой, выходящей из морской пены. Картины, более привлекательной, я не встречал.

Мы с удовольствием погрузились в тёплую, прогретую за день воду, я исследовал дно и убедился, что бассейн недавно чистили. Ни ила, ни мусора не было. Кроме того, я понял, что навыки подводного плавания, приобретённые в раннем юношестве, не утратились. К тому же сказались тренировки по задержке дыхания. Однажды, ожидая вылета по тревоге, я установил в кабине вертолёта своеобразный личный рекорд. Мне заткнули рот и ноздри, и я продержался в таком состоянии около пяти с половиной минут. Справедливости ради следует заметить, что перед экспериментом я дышал чистым кислородом из бортовых баллонов жизнеобеспечения через кислородную маску.

Я вынырнул рядом с подъёмной лестницей и обратил внимание на человека в очках, ощупывающего свою одежду.

– Какие – то проблемы? – смахивая с лица капли воды, спросил я.

– Да вот, кажется, часы уронил в воду. Уже и нырял, но не нашёл. И куда они запропастились?

Бассейн – не река, здесь течения нет, рассуждал я, просматривая дно и для страховки шаря по нему руками. Если и упали, то где – то здесь.

И действительно, часы нашлись. Я вынырнул и вручил их растеряхе:

– Твои?

– Вот спасибо, дорогой, обрадовался очкарик. – С меня причитается. Назовите свои координаты.

Довольный собой, я пренебрежительно ответил, что не стоит благодарности, но для знакомства...

Не понял намёка потерпевший, не пришёл. А может, как и мы, был в командировке и по тревоге сорвался в иные края.

Климат в Марах ещё теплее, чем у нас. Плодовые деревья растут плохо, зато шелковица, подстриженная под «ёжик», и пирамидальные тополя чувствуют себя прекрасно. Иссиня – чёрную ягоду шелковицы, похожую на ежевику, называют тутовником. Среди детишек она пользуется большой популярностью. А темно – зелёные листья её с удовольствием пожирал тутовый шелкопряд, из коконов которого производят самый выносливый и лёгкий шёлк. Мне объяснили, что с одного кокона сматывают нить, длиной в двести метров, крепкую и тончайшую, словно паутина. Впрочем, длина нити находится в прямой зависимости от качества и количества листвы, съеденной червями.

До Ашхабада добрались без всяких хлопот. Рассматривая с высоты утонувший в зелени город, совершенно не верилось, что всего восемь лет тому назад он был почти полностью уничтожен мощнейшим землетрясением. Отстроенный заново всем миром, он, как и любая новая вещь, радовал своей первозданностью. В момент катаклизма я с родителями находился в Баку, на противоположном берегу Каспия. Теперь между этими городами ходил паром.

Мы изучили кроки полигона площадью в сорок квадратных километров и расположились на вертолётной площадке у командного пункта. Статус дежурного экипажа позволял нам бездельничать до команды, и мы, укрывшись от жары в комнате отдыха, с азартом гоняли кости по нардовой доске. Победить Панкратова было невозможно.

Взлетели после полудня с проверяющими и посредниками на борту и взяли курс на восточную окраину полигона. Высота полёта не превышала пятидесяти метров, и нам были отлично видны противостоящие стороны с массой техники и морем солдат. Многие из них приветливо махали панамы, с завистью провожая летательный аппарат, где встречный поток воздуха создавал иллюзию прохлады. Приземлились рядом с командным пунктом, проверяющие ушли, приказав нам ждать. Скучная растительность жадно тянулась к жизни, и среди жухлой травы и мёртвых, на первый взгляд, стеблей юрко сновали ящерицы, как всегда озабоченные чем – то муравьи и тёмные, похожие на запятые, долгоносики. При малейшей опасности они мгновенно зарывались в песок.

– Сейчас устроим битву при Ватерлоо, – сказал неунывающий Панкратов, достал литровую стеклянную банку для проверки чистоты бензина из заправочных ёмкостей, сунул в неё кусочек рафинада и поставил на муравейник. Минут через двадцать сотни муравьёв облепили кусок так, что из белого он стал черно – рыжим.

– А теперь смотрите, – и с этими словами техник бросил на дно банки небольшую фалангу.

Забыв о дармовом лакомстве, муравьи мгновенно сориентировались и всем скопом набросились на своего заклятого врага. Паук, как жерновами, перемалывал тела насекомых, но количественный перевес противника решил исход поединка. Через несколько минут лохматый верзила затих, а через час в бесформенном месиве трудно было угадать живое существо.

В детстве я слышал от одного старателя всякие небылицы о дикой Сибири. Но меня поразило рассказ о том, как приговорили к смерти вора из их бригады. Они посадили преступника на муравейник голой задницей. Через полчаса подвыпившая братва подобрела и сняла с кучи негодяя. Два месяца после этого человек провалялся в больнице, и только чудом не умер. А бывали случаи и похлеще, и через сутки от наказанного оставался только скелет. Чистый и отполированный, как стёклышко.

За время, пока мы обслуживали учения, я закончил зарисовку о Панкратове и по возвращении на базу отослал её в редакцию. Вскоре она была опубликована, и жюри определила мне премию в сотню рублей. Это была приличная сумма, рекордная среди моих прежних полученных гонораров.

Прошло три месяца, сын заметно подрос и стал узнавать своего папу. Глазки приобрели осмысленное выражение, и улыбка всё чаще стала появляться на его личике, когда я склонялся над ним или брал его на руки. Светкино молоко он сосал с удовольствием, и она жаловалась, что он больно кусается.

– Весь в меня, – горделиво шутил я. – С детства к женской груди равнодушен. Мать сосал до пяти лет, хотя она и мазала соски горчицей, чтобы отучить меня от затянувшейся привычки. Но твои лучше, – нежно ласкал я Светкины барханы.

Она притворно охала, получая наслаждение и становясь мягкой и податливой, словно какая – то сила парализовала её волю к сопротивлению.

– Знаешь, – сказала она в порыве откровения после бурной ночи, – когда ты тискаешь мою грудь, у меня в голове какое – то помутнение возникает.

– Твой намёк понял, – рассмеялся я и лизнул её открытый сосочек. – Так хорошо?

– Очень! – и она скользнула мягкой, бархатной ладонью вдоль моего тела, добралась до ушастика и поощрительно потрепала его пальцами:

– У, какой он у тебя ленивый.

– Не скажи, – не согласился я. – Просто он тоже соскучился по ласке. Особенно по поцелуям.

– Да – а, неужели, – недоверчиво произнесла она и стала покрывать моё тело отрывочными поцелуями сверху вниз. Я немедленно возбуждился, и приятель мой восстал и вознёсся

в небо, как Эйфелева башня, и Светка водрузилась на её макушку и нанизала себя, как на шампур.

– Ах, – с наслаждением прошептала она, закинув руки на затылок, – ах, – причитала она, всё более мощно вгоняя в себя негнувшийся стержень, – я не вытерплю этого, я закричу!

В исступлении я ласкал её напрягшиеся груди, скользил ладонями по телу и облапывал её попку, до боли сжимая в порыве страсти. Словно по клавишам фортепиано, я перебирал её рёбра, чувствовал, как это её возбуждает, и амплитуда её движений возрастает с риском потерять вершину любви. Божественное наслаждение, если учесть, что на мне восседала женщина, которую я хотел со второго класса. Интересно, получают ли они сексуальное удовлетворение, сидя верхом на жеребце? Что за глупый вопрос!

Однако ласк, которых мне очень хотелось, я не получал. Неужели не научилась в свои двадцать пять лет? Или я не научил?

Скупые на нежность женщины и не подозревают, как много теряют в интимных отношениях с мужчиной. Осторожные, вкрадчивые прикосновения к местам эротически чувственным могут раскрепостить партнёра, поощрить на откровенное выражение чувств и на живое стремление удовлетворить любое желание. В его подсознании складывается образ восхитительной соблазнительницы и остаётся надолго, если не навсегда. Спросите любого пожилого человека, о чём он грезит по ночам, одиноко ворочаясь в холодной постели. Будьте уверены, – о той, которая подарила ему когда – то жар своего сердца и букет нерастраченной нежности.

Нежность и ласка, оброненный во – время комплимент – это и есть пища для души, мощнейший катализатор для раскрытия потенциальных возможностей человека, его творческого начала. Если угодно, эволюция человека и развитие цивилизации произошли благодаря и во имя любви к женщине. Это так.

Но вот парадокс: мы любим и ненавидим, лелеем и презираем, обожаем и проклинаем одновременно. Редкий мужчина согласится, что живёт ради любви, однако представим на минуту, что её нет, и смысл жизни будет потерян.

Но это – так, лирическое отступление.

...Поздней осенью, как раз к празднику Великого ноября, нам, наконец – то, дали квартиру в Пролетарабаде. Высоченные потолки и толстые, метровые стены из привозного булыжника, способные выдержать многомесячную осаду целой армии, надёжно защищали от зноя и холода. Единственное неудобство – это печь, которую надо было топить. В Узбекистане самым популярным топливом считается саксаул, каменное дерево, которое тонет в воде и от которого тупилось лезвие топора, и я раскалывал обухом. Разжигали его дровами, зато горел саксаул лучше любого антрацита. Светлана, как ребёнок, радовалась новоселью, быстро перезнакомилась с соседями, и в свободные вечера, во дворе под сенью деревьев, мы устраивали посиделки, делились новостями, сплетнями, травили анекдоты и потягивали кислое пиво. За стеной нашей квартиры расположилась семья Гвозденко, техника по профессии, выпивохи и балагура по призванию. Красавица жена Наташа гоняла его в хвост и в гриву, к этому он давно привык и на все её выступления реагировал спокойно и снисходительно. На службу техник наплевал, про будущее мыслил скептически. А на моё робкое высказывание о замене в другой округ откровенно развеселился:

– Дорогой мой, – рассуждал он, категорически взвинтив указательный палец вверх, – ты видел максимально раздвинутый циркуль? Так вот, расстояние между ножками – это ворота в Туркестанский округ, а точки соприкосновения ножек – это и есть выход. Так что привыкай, акклиматизируйся, отсюда ещё никто не уезжал. Разве что в ящик сыграешь...

Неожиданно заболел Серёжа. Красная сыпь по всему телу и высокая температура нас перепугали.

– От перегрева, – предположили врачи, и на семейном совете мы приняли решение отвезти его на Урал. Через три дня я остался один. Никогда не думал, что климат может стать причиной разлуки...

На торжественном построении по случаю сорок четвёртой годовщины Октября зачитали приказ, по которому мне присвоили звание старшего лейтенанта...

Не успел я поднять рюмку за здоровье, как пришлось выпить и за упокой.

Разбился Володя Шутов, мой самый близкий друг и верный товарищ, с которым я бок – о – бок прожил добрых пять лет.

Судьба – злодейка распорядилась с ним жестоко и несправедливо. Он вылетел на разведку погоды с заместителем командира полка по лётной подготовке подполковником Бадояном. Первокласный воздушный волк, Бадоян был общим любимцем не только за непревзойдённое мастерство в технике пилотирования, но и за добрый нрав и сердечную отзывчивость. Никогда и никого он не давил своим авторитетом, и отношения его с подчинёнными были на равных.

Володя считал большой удачей, что летает с человеком, слава о котором гремела по всему Союзу. Ему по – доброму завидовали все лётчики – штурманы, ожидая, что со дня на день парень пересядет на левое сиденье командира экипажа.

В облаках у них отказал двигатель, и несущие лопасти пошли вразнос. Командир приказал Шутову и технику покинуть машину, а сам остался. На высоте около полутора тысяч метров, подчинённые выполнили приказ, но у Шутова парашют не раскрылся. А Бадоян посадил машину и остался жив. Он настолько был потрясён нелепой гибелью правого лётчика, что подал рапорт на увольнение.

Владимира Шутова похоронили. Проводили в последний путь с соблюдением воинских почестей, с троекратным салютом из карабинов. Женщины рыдали, мужчины скорбно молчали, дети смотрели на смерть с недоумением.

Жаль, что покинул сердечный друг этот мир, не успев жениться и не оставив потомства. Да так ли – жаль? Может, это и хорошо, что в России на одну вдову будет меньше. Господи, какие кошмарные мысли приходят от глубокого горя!

Не стало Володи, а мир не изменился. Утро, как всегда, начиналось с построения, где начальник штаба полка в пух и прах разносил никудышную караульную службу, потом следовали разбор вчерашних полётов, предварительная подготовка и работа на материальной части.

К концу рабочего дня проводился контроль готовности к полётам с проверкой знаний по действиям в особых случаях. Действия, регламентирующие безопасность, каждый знал назубок, и от этой тягомотины было ни холодно, ни жарко.

Я продолжал сотрудничать с редакцией окружной газеты, пробовал себя в разных жанрах, но легче всего удавались зарисовки, поскольку писал я их с натуры. Рассказы не удавались. Сюжеты были мелкими и жалкими, развитие событий длинным и нудным, но главное – не удавались концовки. Хотелось рассказать о мелочах, из которых, в сущности, и состоит наша жизнь, однако чувственное восприятие бытия мне не подчинялось. И я всё чаще стал задумываться над тем, чтобы продолжить образование. Хорошо бы поступить в Литературный институт, но при мысли о том, что в нём обучались корифеи, с которыми и стоять – то рядом не достоин, я загодя обрекал себя на провал. Надо чего-нибудь попроще и понадёжней. Факультет журналистики, к примеру. Почему бы и нет?

Настроив себя на мажорный лад, я отправился в отдел кадров на консультацию.

– И – и-и, дорогой, – выслушав меня, развеселился курчавый капитан, – да ты понимаешь, о чём спрашиваешь? Где ты видел, чтобы военные обучались в гражданских ВУЗах? В академию – пожалуйста. Но туда принимают с должности командира звена или отряда. А ты всего на всего – правый лётчик. Так что дело твоё правое, – скаламбурил он. – Сиди, и не рыпайся, – и одарил меня щедрой лучезарной улыбкой.

– Что же делать, если хочется?

– А ничего не делать. Служишь, и служи. Не забивай голову мусором.

Я не стал доказывать своё конституционное право на получение образования. Что он может, клерк, послушный винтик в машине, исполняющей приказы и инструкции? Только на пороге кабинета, обернувшись, я принял позу человека с оскорблённым достоинством и гордо произнёс:

– Нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики!

– А валяй! – чему – то обрадовался кадровик и углубился в бумаги.

С ребятами из «Боевой тревоги» связи я не терял. Каждый из них мне был по – своему дорог, а в целом я гордился своими друзьями. Особенно Серёжей Кашириным, в честь которого дал имя своему сыну. Был Каширин совсем недавно штурманом второго класса фронтового бомбардировщика, похоже, любил свою профессию, но судьбу не обманешь. Был, да сплыл.

Как я себе представлял, в прессе Серёжа тоже прижился. К моменту нашего знакомства у него уже вышло в свет четыре сборника стихов про авиацию, романтических и слегка сентиментальных. Он частенько хандрил, замыкался и думал о чём – то важном, для меня непостижимым.

В минуты откровенности я делился с ним своими планами, он отвечал тем же, и в одной из частных бесед поинтересовался, отчего он грустит. Каширин смутился, а потом ответил четверостишием:

– Я теперь летаю

Только пассажиром.

По небу скучаю,

Обрастаю жиром.

В последнем письме я поделился с Сергеем о своей задумке поступить в Ленинградский университет на факультет журналистики. Он бурно приветствовал это решение и заверил, что в меру своих возможностей поспособствует в сдаче экзаменов.

Всё это мне нравилось, но принципиального вопроса я не решил. У меня не было официального разрешения на учёбу.

С начальником политотдела полка подполковником Воспьянским отношения сложились хорошие. Политработник не мог не заметить, что о подчинённых ему людях окружная газета активно заговорила. Вполне понятно, что он обратил внимание и на автора публикаций. Однако дать разрешение на обучение в гражданском ВУЗе он не имел права. Эта прерогатива принадлежала только Члену Военного совета:

– Как только представится возможность, непременно отправлю вас к нему на беседу, – пообещал подполковник.

Неожиданно мне подфартило. В полк прибыла комиссия политотдела армии во главе со своим шефом. Мощная фигура генерала, его манера говорить коротко, громко и недовольно вызывали у окружающих неприязнь, и я опасался, что предстоящий разговор будет не в мою пользу. Но выбирать не приходилось, и я, как в прорубь, нырнул к нему в кабинет, надеясь на фарт, на удачу.

Несмотря на грозную внешность, генерал – майор встретил меня приветливо:

– Слышал, слышал о местном борзописце, и кое – что читал. Молодцом, лейтенант. Не профи, конечно, но... – он сделал многозначительную паузу, поднял вверх указательный палец и неопределённо повертел им в воздухе.

– Так в чём проблемы?

– Учиться хочу, товарищ генерал, – как на духу признался я и замер в ожидании ответа.

– Ну, и учись, кто тебе мешает.

– Должность не позволяет.

– Так подожди немного. Отзывы о тебе, как о лётчике, хорошие, перспектива есть.

Я почувствовал, что разговор уходит от цели, и чтобы повернуть его в нужное русло, сказал:

– Всё это правильно, товарищ генерал. Но время идёт, мне уже двадцать пять, и очень хотелось бы писать о лётчиках профессионально. Вы же сами знаете, какие небылицы о нас слагают даже в центральной прессе. А хотелось бы правду, да такую, чтобы мороз по коже и восхищение читателей перед авиаторами.

– Чего же ты хочешь, правдолюбец, – хмыкнул генерал.

– Разрешите учиться в гражданском университете. На факультете журналистики. Заочно.

Секунд десять член Военного Совета барабанил пальцами по столешнице, что – то просчитывал в уме, затем поднял тяжёлую голову и коротко бросил:

– Хорошо. Будет тебе разрешение, писатель. Строчи рапорт.

– Есть! – приложил я руку к головному убору, круто повернулся и уже выходя, с благодарностью обронил:

– И – большое вам спасибо!

Окрылённый, я выскочил из кабинета, нашёл стандартный лист и выложил свою просьбу на бумаге. По наивности мне подумалось, что генерал тут же наложит на неё свою резолюцию, но пришлось ждать целый месяц, прежде чем это произошло.

Весть о разрешении высокого начальства обучаться в гражданском учебном заведении какому – то старлею мгновенно разошлась среди офицерской братии. Событие невероятное, экстраординарное, оно подняло мой авторитет на целый порядок. Даже Коля, мой командир, не выдержал и, посмеиваясь, как – то сказал

:– Ну, старик, ты и даёшь! Ты случайно в детстве говно не ел?

– Всяко бывало, – отшутился я, – но крапиву и лебеду – это точно!

Приёмные экзамены в ЛГУ начинались в конце июля, и чтобы совместить приятное с полезным, я взял на это время отпуск, написал жене пространное письмо о своих приключениях и с её благословения вылетел в Пулково.

Прежде всего, следовало позаботиться о месте проживания в Ленинграде. В этом я во многом рассчитывал на двоюродного брата Ивана. Со времени нашей разлуки прошло полтора года, и он успел поменять адрес. Нашёл я его на 9 – той линии Васильевского острова, недалеко от Чёрной речки, где ему впоследствии, как участнику Отечественной войны, выделили однокомнатную квартиру.

– Ты удачно приехал, – обрадовался Ваня. – Я уже собирался на дачу махнуть. Дачу каждое лето мы снимаем в Парголово. Женщины уже там. А ты какими судьбами?

Вкратце я рассказал о своих перипетиях, и он уехал, оставив мне ключи от квартиры и обещание вскорости вернуться

«Так, – подумал я, – проблема с жильём решена. – Теперь – в университет на разведку, а завтра – в редакцию».

Молоденькая секретарша из числа студенток, решивших подработать во время каникул, подняла моё дело и радостно сообщила, что я числюсь в списках абитуриентов. Она быстро зарегистрировала мою фамилию, выдала листок с расписанием приёмных экзаменов и консультаций, и посчитала свою миссию законченной.

«Хорошенькая, – плотоядно подумал я, поворачиваясь к ней спиной. – Не будь у меня дефицита времени, обязательно уделю бы внимание». Тем более, что я уже давно не имел близости со Светкой, и мне снились кошмарные, сладкие сны, после которых приходилось отмывать трусы от поллюций. И я, пропустивший через себя тонны беллетристики, не переставал удивляться, что герои романов никогда не испытывали этой проблемы, как будто были кастрированы.

В узких коридорах университета толпилась разношерстная молодёжь, и гул стоял, как на вокзале. Несмотря на мою военную форму, никто на меня не обращал внимания. Девушки, и совсем молоденькие промокашки и возрастом постарше, нещадно курили длинные тонкие сигареты, изящно удерживая их между указательным и средним пальцами и оттопырив мизинцы. Парни старались выглядеть солидно, пряча свою робость за толстыми стёклами очков. Как в фельетонах Зощенко, везде было накурено и наплёвано, и густо воняло терпким потом перепуганных тел, зачехлённых в джинсы и едва прикрытых мини – юбками, – первыми вестниками западной моды.

Старинные стены никогда не видели откровенного нашествия безнравственности, и со стоном выдерживали натиск широких спин и попок, пришедших послушать обзорные лекции по интересующим темам. И над всем этим висела мощно выраженная аура желания стать студентами прославленного ВУЗа. Десятки тысяч шпаргалок, уменьшенных до невозможности, надёжно прятались в карманах, складках одежды, запястьях, чулках и трусах, украшали колени, ляжки и ладони. Здесь же за умеренную плату можно было приобрести шпаргалки по любому предмету. Шустрые продавцы уверяли, что авторами их являются профессиональные ведущие преподаватели, доктора наук и даже члены приёмных комиссий. Не сдержав соблазна, я приобрёл гармошкой сложенные фотографии с сочинениями по русскому языку и литературе по двадцати предполагаемым темам, но вечером обнаружил, что это самая заурядная туфта, переписанная из учебников.

Редакцию я навестил ближе к вечеру. Знал, что к этому времени работы завершаются, и журналисты настраиваются на домашнюю волну. От университета до неё – рукой подать. После необходимых формальностей меня пропустили в штаб, и вскоре я вошёл в большую, знакомую комнату с пятью столами. Ребята рты разинули от неожиданности и встретили, как родного. Капитан Карклин, могучий, как Зевс, и лупоглазый, добродушный гигант, радостно меня облапил, похлопывая по спине широкими лапищами.

Скромный, почти незаметный литературный корреспондент газеты с уменьшительно-ласкательной фамилией Красенький учтиво пожал руку, будто я был какая – то знаменитость. Когда я впервые с ним познакомился, мне сразу же припомнился рассказ моего отца на эту тему. Во время Гражданской войны к ним в деревню нагрянули белые, перетрясли всех и прилипли к мельнику, известному чудачу и балагуру, который на потеху мужикам и на заказ кукарекал в бане задницей.

– Где, – спрашивают, – у вас здесь красные?

Мельник как раз был навеселе, и решил созорничать:

– Айда, – говорит, – я вам самого красного покажу.

Подводит он конный наряд к крыльцу дома, что стоял у околицы, и кричит во всё горло:

– Васька, выходи, тут твоей харей шибко интересуются!

Вышел Васька на крыльцо с рыжей бородой – лопатой и огненной шевелюрой, а как увидел казаков, всё лицо кумачом затянулось от испуга.

– Вот, – указал довольный мельник на соседа, – краснее этого в селе никого нет!

Хорошо, урядник с юмором оказался, понял розыгрыш. А то бы мельнику плетей не миновать.

Толя Хоробрых осмотрел меня с ног до головы, позавидовал загару:

– Вылитый узбек, только глаза зелёные. Совсем взрослым стал, истребитель.

Серёжа Каширин приветливо улыбнулся:

– Как там, на наших югах, всё ещё тепло и сухо?

Я выложил дары Узбекистана на стол, и ребята растерзали кучу винограда немедленно.

– А ты говоришь, в ТуркВО несладкая жизнь, – уплетая «дамские пальчики», скаламбурил Александр Михайлович, – пальчики оближешь!

Всей компанией мы отправились на угол Невского, где подавали шампанское, коньяк и лимоны с сахаром, и, побалагурив, разошлись. У каждого была своя личная жизнь, а я человек мимолётный. Но что ни говори, это мои ребята корреспонденты: и приняли за своего и рекомендовали в университет.

Из всех экзаменов более всего меня беспокоило сочинение. Казалось, нет такой темы, на которую в карманах не было бы шпаргалки. Однако я отказался от них, когда предложили написать о лучшем фильме 62-го года. Для меня это был фильм «Девять дней одного года», в главной роли которого снялся Алексей Баталов. Игра актёра потрясала искренностью и мастерством и высокой нравственностью к идеалам.

Не знаю, как, но мне удалось убедить приёмную комиссию, что это действительно лучший фильм, иначе бы хорошей оценки не поставили. Ко всему прочему, из нашего потока четвёрками были удостоены ещё пятеро, и я понял, что буду принят. Более того, я удивился, когда после экзаменов мне предложили учиться на дневном отделении. Лестное приглашение пришлось отклонить.

В секретариате я получил целую кипу рабочих планов, разработок и брошюр для самостоятельных занятий, длиннейший список учебников и обязательной литературы и задания для выполнения контрольных работ. Набралось килограммов пятнадцать, но всё это пустяки. Я знал, что в каганских и бухарских библиотеках ничего путного для учебы не найду.

Накануне отъезда я устроил прощальную вечеринку в кафе «Север», что на Невском проспекте. Ребята радовались моей удаче, сетовали, что далеко живу, я обещал писать и поддерживать деловые отношения. На прощанье сердечно обнялись и разъехались по домам.

Билет на самолёт до Челябинска у меня был в кармане, и я мысленно представлял, какой фурор произведу завтра, свалившись без предупреждения, как снег на голову.

Более полугода я не виделся с семьёй, сыну пошёл уже второй год, он не только научился ходить, но и сносно разговаривать. В нетерпении я подгонял неторопливый Ил – 18, мысленно представляя нашу встречу и гадая, узнает меня Серёжа или нет.

... Не узнал, однако, сын дядьку в военной форме. Когда я поднял его на руки, капризно скривился, слёза навернулись на его глазах, и он потянулся ручонками к матери.

– Вот так оставлять дитё без присмотра. Смотри – ка, своих не признаёт, – прокомментировала тёща возникшую ситуацию. – Проголодался, небось?

– Еще и как! – с оптимизмом ответил я и выразительно посмотрел на жену. Она поняла двусмысленность ответа и зарделась, как девушка, застигнутая в неглиже.

Я с удовольствием наблюдал за сыном и никак не мог понять, что в создании этого чуда есть доля и моего участия. После обеда его уложили спать, однако моё присутствие возбуждало, в кровати лежать ему явно не хотелось, и он украдкой посматривал в мою сторону, решая, очевидно, дилемму, признавать ли меня за отца или проигнорировать. Наконец, он успокоился, Фаина ушла за продуктами, и я полюбил Светку на кухне, на коврике, прямо на полу. После родов чувственность её обострилась, она смело реагировала на мои откровения, сдёрнула с себя лифчик, и я с вожделием смотрел, как из набрякших и пунцовых сосков выделяются капельки молока, смачивая мой торс. Неужели она до сих пор кормит грудью ребёнка? Её крепкие бедра плотно обжимали деревянный, изголодавшийся банан, она прерывисто и нервно дышала, закусилась в возбуждении прядь своих волос и неистово подмахивая, властно требовала:

– Ещё, ещё, ещё! – как рысь, изгибаясь, умоляла она, и я с болью вдавливал свои чресла в ответ на призыв женщины. Я уже давно заметил, что крики и стоны из – под моего тела рождают во мне сладостное наслаждение и окрылённое чувство превосходства над партнёршей.

Светка вдруг замерла, сцепив ноги на моих ягодицах, я понял, что она кончает, и долгий вздох облегчения дуэтом заполнил тишину испуганной кухни. Мощной струёй, словно из велосипедного насоса, брызнула в жену моё многомесячное воздержание. Раз, другой и, нако-

нец, третий, короткий, как точка. В изнеможении Светка раскинула в стороны руки и ноги, наощупь нашла мои пересохшие губы и наградила долгим, благодарным поцелуем.

– Скучала без меня, – чтобы как – то нарушить паузу, задал я риторический вопрос.

– Не то слово, на стенку лезла, – промурлыкала она и щекой потёрлась о моё плечо.

– Будем подниматься?

– А ты как хочешь?

– Не будем, – засмеялась Светка и закинула руки за голову.

Перескакивая с пятого на десятое, я вкратце пересказал жене наиболее важные события, подробно остановился на процессе экзаменов и о полезных встречах со своими коллегами.

– Умница, – подытожила Светка мой монолог, от души расцеловала и положила голову на грудь. – Нет, действительно, в кого ты такой умный?

– С кем поведёшься... – многозначительно ответил я и почувствовал новый прилив желания. Я властно поставил её на колени. Светкина спина прогнулась, она приникла щекой к коврику, вытянула руки вперёд и прошептала:

– Это что – то новенькое.

– Нам с тобой ещё многому предстоит научиться. А это – классическая поза, подаренная природой всякому живому существу. Поза номер один.

Вцепившись в её свинцовые груди, я стал деловито, не торопя события, накачивать жену кайфом. И мне казалось, что гордость моя прощупывается где – то в районе Светкиного пупка. Она извивалась, как змея, вертела попкой, как пропеллером, и, наслаждаясь, повизгивала.

Глава вторая

Не пришлось мне в текущем году увидеться с родными. Прошлой осенью ностальгия доконала их окончательно, и они, за бесценок, распродав нажитое имущество, перебрались в Сталинград. В каждом письме родители жаловались на бедственное состояние и, несмотря на энергию и деловую хватку матери, им, коренным жителям города – героя, в жилье отказали. По совету знакомых мать, доведённая до отчаяния, самовольно заняла освободившуюся в коммуналке двенадцатиметровую клетушку, но руководство завода произвол терпеть не стало, и началась изнурительная судебная тяжба, шансы победить в которой равнялись нулю. Юра заочно учился в Свердловской консерватории по классу баяна и, чтобы выжить, поступил преподавателем музыкальной школы Тракторозаводского района. Отец – пенсионер устроился на винный завод на должность грузчика, где вся команда, в которую он входил, состояла из законченных выпивох и алкоголиков. Зарабатывал он не плохо, но после смены всегда приходил поддатый, и это обстоятельство сильно тревожило мать. Я ломал голову, как бы им помочь, но что можно сделать, находясь за тысячи километров?

Спустя полтора месяца я вновь вернулся в Пролетарабад, в квартиру, из которой перед отъездом с трудом выгнал нахального тарантула. О стычке с опасным насекомым я умолчал, в районе и без этого хватало экзотики. Одичавшие ишаки свободно разгуливали между домами, а ночной вой шакалов за дувалом напоминал, что мы ещё живы. Коренные жители рассказывали, что воды в их благодатной стране мало: реки и солёные озёра в жаркое лето пересыхают, и тогда целые площади покрываются солью, сверкая под беспощадным солнцем, словно в насмешку, иссиня белым снегом. Зато каналов и арыков в Узбекистане великое множество. Каналы, обросшие камышом с обеих сторон, кишели рыбой, но попадались и водяные змеи. Одному нашему ухарю одна попала в труссы, но ничего не откусила. Змеи, говорят, в воде не кусаются.

Несмотря на конец сентября, жара не спадала, и в борьбе с ней вместо кондиционера мы приспособили холодильник. Но и это не помогло: вновь серьёзно заболел Серёжа, и врачи настоятельно рекомендовали смену климата. В документах, регламентирующих прохождение службы офицерского состава, имелась оговорка, что в случае, похожем на мой, я имею право на замену в другой, более подходящий для здоровья семьи, округ. Когда я заикнулся об этом, кадровики дружно заулыбались:

– Да следовать таким рекомендациям – весь полк отсюда убирать надо. Вот если бы кто умер, тогда другое дело, – чёрным юмором закончили они разговор, после которого мой патристический дух впервые дал трещину. За что и кому служу? Народу? Да плевать ему на какого – то занюханного лейтенанта со всеми его мелочными проблемами! Выходит, и мне на него плевать?

С этого момента я стал усиленно думать, как выбраться из знойного ада, не потеряв офицерского достоинства.

Наверное, я из породы везунчиков, размышлял я, внимательно перечитывая очередное письмо от Серёжи Каширина. Он писал, что в редакции появилась вакансия на должность корреспондента – организатора, и если я не против, он попытается перетащить меня в свой коллектив. Конечно, оклад в армейской газете – ниже среднего, но если учесть гонорары, то жить можно. Мне следует поторопиться со своим решением, иначе поезд уйдёт.

Я крепко задумался. С одной стороны, – душой и телом прикипел к авиации, любил её, как мать родную, и без полётов чувствовал бы себя обездоленным. С другой, – мне предоставлялся беспроигрышный и, может быть, единственный шанс зажить по – человечески, с семьёй, в размеренном ритме, в цивилизованной обстановке и прекрасном городе.

Советоваться с женой не было времени, но я знал, что возражать она не станет. От такой жизни согласишься сбежать хоть к чёрту на кулички.

Будь, что будет, решил я, написал Каширину, что с радостью принимаю его помощь, в тот же день отнёс письмо на почту и затаился в ожидании.

Ни на работе, ни в частных разговорах о возможных изменениях в своей судьбе я не заикался, боясь спугнуть почти что пойманную за хвост неуловимую жар – птицу.

За освоение программы переучивания днём мне присвоили звание военного лётчика третьего класса. Ларионов был доволен, что нашёл во мне добросовестного ученика, и как – то вскользь обмолвился, что лучшей кандидатуры, чем моя, на должность командира экипажа не найти. Что ж, из многих зол выбирают меньшее, самокритично оценил я его признание. Спасибо, командир, с этого момента я буду уважать себя больше.

За год с небольшим я познакомился со всеми прелестями южных союзных республик. Разницы в ландшафтах почти не было, разве что на востоке, в Киргизии. Там, где имелаась вода, буйно зеленели оазисы, виноградники, белыми покрывалами простирались хлопковые поля и алыми морями цвели маки. Гранаты и айва, груши и яблоки, ореховые и тутовые деревья, безбрежные плантации сахарных арбузов и огромных веретенообразных пахучих дынь – торпед, – и над всем этим сказочным изобилием дьявольское, беспощадное солнце. Его было так много, что, казалось, и метровые стены домов не были ему существенной преградой. Как закоренелый, фанатичный садист, оно ежесекундно, каплю за каплей, молекулу за молекулой с наслаждением высасывает влагу из всего живого, и никогда не насыщается.

В октябре солнце снижает свою агрессивность, зато ночью наступают заморозки. Именно в это время в полк пожаловали люди из Москвы для проведения эксперимента на выживание. Добровольцев не старше тридцати лет проинструктировали, что их снабдят фляжкой воды, выдадут пистолет, радиостанцию, компас и десантируют с вертолёт. Когда и где – это не важно. Задача заключалась в том, чтобы в течение трёх суток постараться выйти на людей. Любых живых, в том числе и на пастухов. За выполнение задания – особая премия, а за каждый день работы – сто рублей. Деньги приличные, если учесть, что за месяц я получал двести целковых. Тем более, что за отпуск, экзамены и перелёты семьи я заметно поиздержался и сидел на мели. Почему бы и не попробовать при хорошем здоровье и здоровой тяге к приключениям?

И я ввязался в игру, твёрдо убеждённый, что к финишу приду первым.

За свою жизнь мы, подопытные, не боялись. Пеленгаторы чётко отслежат, где мы находимся, и в случае экстремальной ситуации помощь придёт незамедлительно, стоит только нажать на радиостанции кнопку тревоги. Главное, чтобы она не отказала.

К старту меня доставили на вертушке. Весь часовой маршрут проходил на предельно малой высоте, и сориентироваться, в какую сторону мы летим, не представлялось возможным. Негодяи, они продумали и это. Зато восход солнца, моего основного врага на ближайшее время, подсказал, что вертолёт продвигался на юго-восток, в сторону от главной железнодорожной артерии Ташкент – Ашхабад.

Перед тем, как покинуть машину, врач прощупал мой пульс, измерил кровяное давление, довольный, хлопнул ладонью по плечу, протянул кружку с водой и благословил на подвиг.

Через десять минут я остался один, наедине с полупустыней. Нужно было обжиться на новом месте и решать, куда направлять свои ноги. На юге делать нечего. Насколько я помнил, там, до самого Афганистана простиралась безлюдная пустошь. Запад тоже не годился. До Кагана мне не дойти, и шансов встретить какого – либо аборигена на своём пути практически не было. Восток тоже не обещал ничего хорошего. Не думаю, чтобы меня высадили в пригороде Душанбе.

Прикинув, я определил по компасу направление на север, засёк время и зашагал навстречу будущему.

К восьми утра я отмахал километров двадцать, при каждой остановке внимательно изучал местность, но на присутствие человека не было и намёка. Зато солнце, как дамоклов меч, висело над головой, готовое обрушиться на мою потную шею разящее жало. Хотелось пить, и я понял, что дальше идти по такому пеклу опасно. Да и темп, который я себе предложил, не годился. При такой прыти далеко не уйдёшь. Нужно делать привал, искать хоть какую – то тень. Но где её найти, если до самого горизонта просматривается только чахлая, перегоревшая за лето, трава, да голые, как скелеты животных, сучки саксаула. Однако мне жутко повезло. Набрасывая на сучки куртку, наподобие шатра, я заметил вдали какой – то холмик, и когда подошёл поближе, обнаружил давно покинутый, полуразрушенный временем и полузасыпанный песчаными бурями колодец. Когда – то здесь проходили караваны с товарами, но не это обрадовало меня, а возможность укрыться от серьёзного противника.

Весь день провёл я у колодца, скрываясь в жидкой тени и борясь с искушением спуститься вниз. Там не только прохладней, но могла быть и вода. Однако у меня хватило ума, чтобы не похоронить себя заживо.

После полудня я позволил себе сделать хороший глоток из фляжки. Почти горячая, вода никак не освежила меня, и я пожалел, что не заполнил её кофе или крепким чаем. Была суббота, и ребята точно потягивают сейчас под навесом шашлычной кисленькое каганское пиво. Как я сейчас им завидовал! Что ж, что не свежее, зато мокрое.

К вечеру жара стала спадать, и я, глотнув водички на дорожку, двинулся в путь, ориентируясь на Полярную звезду. Шёл медленно, сознательно шумел, разговаривал и пел, нарушая фантастическую тишину и распугивая ночных обитателей пустыни. Больше всего боялся потревожить какую-нибудь неосторожную гадюку. На ногах у меня были яловые сапоги на толстой подошве, но кто знает, какой длины у неё зубы. Скорпионы – тоже не радость. Говорят, что в этих местах встречается Чёрная вдова, редкая стерва, которая после первой брачной ночи равнодушно отправляет мужа на тот свет. Отвратительное насекомое с садистскими замашками. Вот, наверное, у кого не бывает любовников!

Еды нам не выдали. В пустыне она не так важна. Крокодилы, говорят, по два года могут обходиться без пищи. Зато воды у них – по самые ноздри. А у меня отсутствовало и то, и другое. Отполированный сухарик Гвозденко здесь бы не помешал, хотя во рту будто прошлись рашпилем.

Я шагал и шагал, как запрограммированный робот, иногда сверяя направление по компасу и зорко вглядываясь в темноту. Был бы костерочек на краю земли, я бы и его заметил. Но ничего похожего не попадалось. Незнакомые звуки пугающе доносились со всех сторон. То раздавалось вкрадчивое шипение, похожее на воздушную струю из проколотой камеры, то слышался цокот лошадиных копыт, то доносился издали протяжный хохот всегда голодных шакалов. Изредка вспыхивали и растворялись в ночи блуждающие зелёные огоньки, словно фонари поисковой группы. Переполненная жизнью, пустыня превратилась в гигантское поле битвы за жизнь, и в этой смертельной схватке выживали сильнейшие. Каждый чувствовал себя охотником и потенциальной жертвой одновременно. Нападение – лучший способ защиты, но когда ты с жадностью пожираешь свою добычу и инстинкт самосохранения у тебя подавлен, наступает самое благоприятное время с тобой расправиться. Точь – в – точь, как у людей.

Накануне эксперимента по поведению экипажей в экстремальных условиях профессионалы рассказали нам, как вести себя в тех или иных ситуациях. Однако практика превзошла теорию. Особенно страшила встреча с неизвестностью. Нервы мои были напряжены до предела, как натянутые струны. Чуть задень, – и они лопнут к чёртовой матери. Я начал бояться, было какое – то назойливое ощущение, что рядом со мной кто – то есть, и этот «кто – то» – враг.

Не в силах больше сопротивляться растущему страху, я остановился, вытащил одну из трёх сигнальных ракет и запустил её в густую и вязкую, как кисель, ночную тьму. Вспыхнув

красным пламенем, цветом тревоги, она озарила окружающий мир на несколько секунд, и всё замерло, шокированное никогда невиданным зрелищем. Ни звука, ни движения, никаких признаков жизни. И вокруг только голая, песчаная земля, похожая на гигантский, никому не нужный, пляж.

Ракета потухла, и тьма стала ещё гуще. Я надеялся на чудо: вдруг повезёт, и кто-нибудь заметил мой отчаянный крик о помощи. Однако чуда не произошло.

До самого рассвета я брёл в выбранном направлении, наблюдая, как с восходом солнца жизнь пустыни замирает. Да и была ли она на самом деле? Может быть, это были галлюцинации моего уставшего, воспалённого мозга.

Воды осталось пол – фляжки. Очень мало для двух предстоящих дней. Я старался о ней не думать, но ничего не получалось.

Где – то я читал или видел, что человек, оказавшись в похожем на моё, положении, убил змею и выпил её кровь. Интересно, сумел бы я повторить его поступок? Не уверен. Следовательно, я ещё не дошёл до его кондиции, и общее состояние моего организма вполне удовлетворительное. Потеть я стал меньше, но губы пересохла. Пора позаботиться и о днёвке. К счастью, на своём курсе я заметил целое скопище саксаула и поспешил ему навстречу. Хоть какая – то, но тень. И если сверху набросать травы, может получиться отличный шалашик.

Метров за пятнадцать до цели я понял, что опоздал. Облюбованное место занимал метровой длины варан. И хотя я знал, что на людей они не нападают, на всякий случай вытащил пистолет, снял с предохранителя и передёрнул затвором. Не шевелясь, мерзкая рептилия смотрела на меня застывшим взглядом и надеялась, что я её не замечу и пройду мимо. Однако выбора у меня не было, и вместо того, чтобы отпугнуть её выстрелом, я заорал благим матом. Варан среагировал, недовольно покинул укрытие и неторопливо пошёл прочь. И только когда он скрылся за барханами, я пожалел, что не пристукнул эту гадюку: местные жители, говорят, иногда употребляют их в пищу, а в каком – то африканском племени мясо варанов считается деликатесом.

Я набросал поверх саксаула целую кучу жухлой травы, обследовал место будущей лёжки на предмет нежелательных соседей, сделал нору, расстелил лётную куртку, лёг и занялся проверкой радиостанции. Как только я щёлкнул тумблером, она чётко заработала. Оставалось выпустить антенну, включить сигнал аварийного бедствия, и помощь придёт. Но я был слишком молод и тщеславен, чтобы так вот, без всякого сопротивления сдать себя какой – то природной аномалии. И потом, ситуация находится под контролем, воды ещё не менее четверти фляги. Это – ой, как много, по сравнению с теми, у которых её нет.

К вечеру я окончательно высох. Воды почти не осталось, идти никак не хотелось, но я пересилил себя, встал и пошёл на север. « К чёрту эти дурацкие игры, – подумал я, прошагав часа три. – Если к утру никого не встречу, включу сигнал бедствия».

Во рту всё высохло, язык, словно наждаком, карябал нёбо, обезвоженные, сухие губы грозились потрескаться. Идти дальше не было сил. С тоской оглядев горизонт и не заметив признаков присутствия человека, я включил радиостанцию и нажал на кнопку « SOS».

Через полтора часа на мой «маячок» пожаловал долгожданный, по форме напоминающий головастика, вертолёт. Он приземлился почти рядом, но доплёлся я до него с трудом. Мне помогли подняться в грузовую кабину, встретили, как ни в чём не бывало, и сунули в руки воды. В два глотка я опорожнил кружку и потребовал ещё.

– Не торопись, – дружелюбно посоветовал доктор, усадил в кресло и измерил пульс. – Вот и хорошо. Состояние здоровья не вызывает опасений. Попей зелёного чайку, он бодрит и возвращает силы.

Прихлёбывая горячую жидкость, я запивал её холодной водой и наслаждался. Ничего вкуснее в жизни пить мне не приходилось.

В гарнизонном лазарете меня продержали два дня. Врачи – психотерапевты задавали кучу бессмысленных, на мой взгляд, вопросов, со мной возились, как с больным, взяли анализы крови и мочи, сняли показания функций головного мозга, прощупали каждую мышцу и пришли к выводу, что здоровье у испытателя без патологий.

В сущности, ничего экстраординарного не произошло, зато в кармане у меня появилось две сотни.

Стыдно ли мне было за прерванное истязание? Нисколько. Просто я понял, что испытатель – не моя профессия.

Я написал Светлане о своих злоключениях в шуточной форме. В ответ она назвала меня шизофреником, совершенно забывшим, что у него есть семья, которой нужен здоровый кормилец.

Как и другие участники необычного эксперимента, я на время стал местной знаменитостью, на меня смотрели, кто с любопытством, а кто и с жалостью. По этому случаю на берегу Комсомольского озера мы устроили пикник на английский манер, а попросту – очередную пьянку. В ней участвовали все испыатели. Никому из нас не удалось получить главную премию. Ну, и Бог с ней!

В иное время и в другой стране материал о пережитом в пустыне я непременно бы продал какой-нибудь газете или журналу. Только не в нашем, самом гуманном государстве в мире. Тем более, что каждый из нас дал подписку о неразглашении. Что и говорить, советская власть умела прятать концы в воду. Так что вся эта история не вышла за рамки гарнизона. Посудачили дня три – четыре, и на этом забыли.

Зато телеграфное распоряжение из Москвы о переводе меня в Ленинград для дальнейшего прохождения службы, в рядах друзей и знакомых вызвало сенсацию. Словно меня отправляли на Марс.

Саша Крамаренко, с которым я прибыл в гарнизон одновременно, милый и умный парень, с удивлением рассматривал меня как какое – то чудо, и с завистью допытывался:

– Признайся, старик, кто у тебя в Москве. Не верю, чтобы о старшем лейтенанте из Кагана знали в Министерстве Обороны страны. У тебя наверняка есть мохнатая рука.

Я отшучивался, как мог, но, набивая себе цену, отвечал двусмысленно. Сдержал, таки, слово Серёжа Каширин. Лично ходил к члену Военного Совета армии генералу Тюхтяеву ходатайствовать за мою душу.

Номенклатурный работник ЦК ВЛКСМ, Тюхтяев, высокий, энергичный, непредсказуемый в принятии решений человек, считался самым молодым генералом в Военно–Воздушных Силах после Василия Сталина. У него по старой памяти сохранились крепкие связи с комсомолом, и для него не существовало проблем при наборе людей в свою команду.

Командир эскадрильи Федоренко, узнав, что я покидаю полк, не скрывая огорчения, сказал:

– Чего ты там не видел, сынок. Здесь все свои, родные, в обиду не дадут. Я уж и представление заготовил на твоё повышение. Летаешь – то ты прилично.. Может, передумаешь?

– Не могу, товарищ подполковник. Скажу честно: летать люблю, но семья дороже. Не могу я без них, а здесь они жить не могут.

– Ну, как знаешь, тебе виднее. Устроишься, пиши. Не забывай вертолётчиков.

– Не забуду.

Традиционную отвальную вечеринку я организовал в местной столовой. Прощались так, словно не рассчитывали на дальнейшие встречи. В лицах друзей я улавливал неприкрытую зависть, а Яхновский, со свойственной ему манерой резать правду – матку в глаза, поднял стакан и предложил приватный тост:

– Выпьем за твою волосатую лапу.

– Давай, – охотно поддержал я шутку и залпом опрокинул рюмку в рот.

– А ты шустряк, – с уважением посмотрел на меня тот самый офицер кадров, вручая пачку сопровождающих к новому месту службы документов. – Взял – таки неприступный орешек!

– А как же, – снисходительно, будто речь шла о пустяке, хмыкнул я. – У нас, истребителей, главное – цель обнаружить. А уничтожить её – дело второстепенное.

Из всех вещей я захватил с собой только книги. Собрать я их стал давно, за каждой стояло событие, и расстаться с ними не мог, как невозможно забыть о прошлом. Жене я дал телеграмму и написал длинное и подробное письмо обо всех изменениях в жизни и о скорой, очень скорой встрече.

Северная столица России встретила меня громкоголосо и деловито. Московский вокзал по – хозяйски распределял потоки людей и транспорта, устраивал встречи родных и знакомых, небрежно предлагал широкую сферу услуг. Напористые носильщики с орденами – бляхами на груди резво укладывали вещи пассажиров на тележки и скорым шагом мчались к стоянке такси. Я вышел из вагона и с наслаждением вдохнул свежий, бодрящий воздух Питера, не похожий ни на какие воздуха других городов. Мягкий и пахучий, как свежеиспечённый хлеб, он легко ворвался в лёгкие, раздвинул грудь и прояснил разум.

Если сравнить Невский проспект с рекой, то её устьем можно смело называть станцию метро «Площадь Восстания». Из глубины подземки, словно вода из родника, нескончаемым потоком выходили энергичные люди и спешили по своим делам. Справа от меня высилось современное здание гостиницы «Октябрьская», но мне туда ни к чему. Мне на Дворцовую площадь необходимо. По существу, она совсем рядом, в конце Невского, многократно исхоженного пешком. Таксист, молодой парень в фирменной фуражке с зазывающими глазами, бросил на меня оценивающий взгляд, спросил вопросительно:

– Куда едем, командир?

– К Зимнему, – попросил я, уютно устроившись справа.

Водила разочарованно вздохнул и тронулся с места. Я его понимал: с таким пассажиром много не заработаешь.

– Стало быть, к штабу Воздушной армии, – закончил он свою мысль, аккуратно вписываясь в общий поток. – Первый раз в Питере?

– Не скажи, – возразил я, – приходилось бывать.

– Тогда рассказ о достопримечательностях нашего Невского Бродвея отпадает.

Через полчаса я уже докладывал дежурному офицеру о своём прибытии, предъявил командировочное предписание, и он, ознакомившись с ним, посоветовал подождать: рабочий день в Управлении Воздушной армии начинался с девяти утра.

Начальник отделения кадров политотдела воздушной армии, плотненький майор, представившись Батехиным, не был похож на закоренелого чиновника и принял меня незамедлительно. Среднего роста крепыш, он выглядел безупречно, напоминал преуспевающего дипломата, вскользь полистал моё тоненькое личное дело, поинтересовался семейным положением и с сожалением сказал, что проблема с жильём более, чем сложная. Сказал так, будто был лично виноват в том, что не может сразу предоставить мне квартиру.

– Очередь приличная, и раньше, чем через год, вы её не получите. Место в общежитии мы вам, конечно, предоставим, но такая полумера вас не устроит. Мой вам совет: снимите частную жилплощадь, зовите к себе семью и наберитесь терпения.

Старинная дубовая дверь кабинета мягко приоткрылась, и на пороге появился кряжистый, похожий на штангиста подполковник. Крупная его голова с квадратной челюстью была посажена прямо на широкие плечи, маленькие быстрые глазки внимательно смотрели из глубины надбровий, увенчанных густой растительностью, а голос звучал тихо и вкрадчиво:

– Ответственный редактор газеты «Боевая тревога» подполковник Ялыгин, – протянул мне руку ходячий монумент, похожий на городничего. Он одёрнул тужурку, осмотрел меня

с головы до ног, будто видел впервые, хотя мы и встречались, и спросил Батехина, может ли меня забрать.

Минут через пять мы вошли в знакомую мне сыздавна комнату с огромным, до потолка окном, выходящим на Дворцовую площадь. Комнату разделяла застеклённая перегородка справа на подмостках, за которой, словно на сцене, восседал редактор. Получалось что – то похожее на наблюдательную вышку, из которой журналисты просматривались, как на ладони.

Ребята сидели за столами, и при моём появлении оживились. Капитан Карклин, богатырского сложения журналист с широкой, как пшеничное поле, грудью и выпирающими из – под рубашки тугими мускулами по – медвежьи облапил мою спину и поприветствовал:

– С прибытием, старик. Давно не виделись.

Снялся со своего места и подошёл Серёжа Каширин, сдержанно поздоровался и уступил меня Анатолию Михайловичу.

Привстал со стула и дружески кивнул литературный сотрудник Евгений Красенький. Говорили, что его перу принадлежат несколько книг, но никто из нас их никогда не видел.

– Давай, занимай свободный стол, – жестом указал непоседа Хоробрых на место между колоннами. – Да не засиживайся надолго.

Вечером я ворочался на гостиничной деревянной кровати КЭЧ и подводил итоги. Главное, меня приняли, признали за своего, – не за « варяга», как принято говорить о внедрённом в коллектив новом человеке по распоряжению свыше. Одним словом, как сказал оптимист, пролетая мимо двенадцатого этажа, всё пока началось хорошо.

Утром Ялыгин представил меня начальнику Политотдела Воздушной армии. Несмотря на свою молодость, он был заметно лыс и достаточно полон. Его неторопливые манеры говорили о том, что этот человек принадлежал к сливкам советского общества и давно забыл вкус чёрного хлеба. Он с любопытством окинул меня взглядом, для проформы попросил рассказать о том, что не написано в биографии, но слушал в пол – уха, думая о чём – то своём, генеральском. На исповедь мне хватило минуты две, крупная голова начальника удовлетворённо кивнула и коротко сказала:

– Хорошо. Работайте.

На первых порах мне доверили отслеживать письма военных и служащих. Писем приходило мало, как правило, с жалобами на быт и с обидами на несправедливость, содержание которых я кратко пересказывал ответственному секретарю газеты майору Семёнову. Если тема была на злобу дня, я отправлялся в командировку разбираться по существу на месте происшествия. Командировки мне нравились и потому, что предоставляли свободу действий, и возможностью встречаться с людьми, в глазах которых прочитывалось явное уважение к приезжему журналисту. Работать начинал со встречи с руководящим составом. Как правило, с политсоставом. С кем – либо из них намечал план своих действий, определял потенциальных авторов, встречался с военкорами и почти каждого уговаривал написать заметку на заданную тему.

Авиаторы – народ компанейский, разбитной и хлебосольный. Любой готов последнюю рубашку отдать. Но по части письма – застенчивый до невозможности. Вот и приходилось клещами вытягивать из них фактуру и на этой основе готовить корреспонденцию от их имени. Меня и редакцию это вполне устраивало, и мы не конфликтовали.

Проживать молодожёну в общежитии – сущее наказание. Я скучал по семье, и решил ускорить нашу встречу. По совету друзей отправился в район Пяти Углов, где по выходным собирался народ по вопросам сдачи и найма квартир. Рядом в одноэтажном здании находилось квартирное бюро. Но люди предпочитали совершать сделки вживую.

Часа через два я нашёл, таки, подходящее, на мой взгляд, жильё в конце Московского проспекта. Молодая миловидная хозяйка показала наши будущие апартаменты. Комнатка была небольшой, но чистенькой, с деревянной кроватью и буфетом, обеденным столом и парой стульев. Как раз то, что было нужно, чтобы спокойно дожить до получения ведомственной квар-

тиры. И хотя плата была приличной, и деньги требовалось внести за три месяца вперёд, я пошёл на все условия... Откуда мне было знать, что у хозяйки – пройдохи шестеро детей и примак в придачу.

Вскоре семья приехала в Ленинград, и мы торжественно переступили порог нового обиталища. Но первая же проведённая ночь показала, что я основательно влип. Как только погасили свет, всех троих решительно атаковали клопы. И было их несть числа. Они, сволочи, даже света не боялись.

Кое-как мы дотянули до утра, а потом я поставил ультиматум: или хозяева принимают решительные меры по уничтожению насекомых, или мы съезжаем.

Вечером Светлана доложила, что дезинфекция произведена, кровати и мебель обработаны. Могла бы и не говорить, воздух пропитал густой запах керосина. На всякий случай, вспомнив свой прошлый опыт, мы установили под ножки кроватей железные банки и залили их водой. Однако предосторожности не спасли. В этой квартире клопы обладали незаурядными способностями и отменным аппетитом. Ночью, внезапно включив свет, я наблюдал, как самые сообразительные ползли по потолку, зависали над кроватью и падали в постель.

Не меньше хлопот доставляли и хозяйкины дети. Совершенно здоровые и всегда голодные, они, в первый же выход Светки на прогулку с сыном, дружно почистили наши съестные запасы, и в последующие дни зорко следили, когда комната опустеет. Только тогда я догадался, почему хозяйка наотрез запретила ставить замок на нашей двери.

Кошмар продолжался десять дней, до тех пор, пока я не нашёл двухкомнатную квартиру на Лиговском проспекте, почти рядом с Театром юного зрителя. Плата была невелика, но с единственным условием не портить мебель и соблюдать порядок. Старая хозяйка, как я и предполагал, предоплату не вернула и, мило улыбаясь, посоветовала подать на неё в суд. Надо же, и стервы бывают красивыми.

Мы жили на втором этаже в доме дореволюционной постройки. За окном проходила трамвайная линия, но вглубь разнесённые рамы заметно глушили внешние звуки, а попрыгав, мы перестали обращать на них внимание. Вечерами всей семьёй мы отправлялись на прогулку, и Серёжа бодро семенил между нами, уцепившись за пальцы наших рук. Недалеко от ТЮЗа стоял пивной ларёк, у которого мы всегда делали короткую остановку.

Как – то, проходя мимо, я спросил сына, что здесь написано. Он посмотрел и громко произнёс:

– Пиво!

Женщина, стоявшая рядом, от удивления разинула рот:

– Малышка что, умеет уже читать?

– Давно, – не моргнув глазом, подтвердил я. – И считать – тоже.

– Так он у вас вундеркинд! – впервые услышал я незнакомое слово, интуитивно сообразив, что оно из числа похвальных.

По утрам в воскресные дни сыну нравилось забираться к нам в постель и лазать под одеялом. Однажды, проделав этот незамысловатый путь, он вылез у наших ног и с восторгом воскликнул:

– Папа, смотри, был там, а образовился здесь!

Всем было весело, и мы хохотали.

К нашему удовольствию, жизнь постепенно налаживалась. И хотя жена не работала, зарплаты хватало. Гонорары, пусть и небольшие, но помогали.

С учёбой тоже складывалось, как нельзя лучше. Университет находился под боком, контрольные работы выполнялись легко, и в случае затруднений я всегда мог проконсультироваться у профессорско-преподавательского состава на кафедре.

Человек ко всему привыкает. Я тоже быстро адаптировался к своему положению, и кто знает, если бы не поездка в Сиверскую, навсегда остался бы в кругу друзей – журналистов.

Внешне в гарнизоне ничего не изменилось. Те же пятиэтажные дома, тот же клуб и столовая, та же речка с соснами – часовыми по берегам, даже водитель пригородного автобуса – тот. Но вот личный состав полка заметно постарел. Среди лётчиков самыми молодыми остались четверо моих однокашников: Голубков, Латыпов, Летунов и Шамов. Это были уже не те желторотые птенчики, с которыми я расстался около двух лет назад. Передо мной стояли мужественные, решительные люди с гордой посадкой головы, жёсткими подбородками и не менее жёсткими взглядами. И улыбки у них были сдержанными, достаточно корректными, чтобы не обидеть, но не настолько приветливыми, чтобы я поверил в теплоту их отношений к заезжему корреспонденту.

Слушая их захватывающие рассказы о полётах, я искренне жалел, что не сумел противостоять прессингу властей, и как последняя крыса сбежал с терпящего бедствие корабля. Ребята повысили классную квалификацию, уже выполняли перехваты в сложных метеорологических условиях, садились при минимуме погоды, и спокойно, как днём, летали ночью на новой технике. Не запаникуй я, не прими опрометчивого решения – был бы сейчас с ними и чувствовал бы себя человеком. Но поезд ушёл. Вот он, локоток, а не укусишь.

Щемящее чувство тоски саднило моё сердце, пока я работал с военкорами. Меня ещё помнили, здоровались, интересовались, как оказался в этих краях, и ничуть не удивлялись, когда узнавали, что работаю в «Боевой тревоге». Знали о моём пристрастии к журналистике. Одни одобряли, другие говорили с пренебрежением:

– Променять полёты на щелкопёрство? Что ж, дуракам закон не писан...

Мне с сожалением сообщили, что обожаемый нами майор Прошкин с его всеизвестным «ибить» пол – года назад ушёл в отставку, уступив место наступающему на пятки молодому поколению. Я ещё не забыл, как летал с ним на спарке и как однажды он показал домик в Тосно, в котором жили его родители.

– Уволюсь в запас – обязательно вернусь сюда, – грозился он, тыкая пальцем в пол кабины. – С земли буду следить, как вы летаете, чертенята.

Приезд в Сиверскую меня взволновал не только потому, что здесь я впервые соприкоснулся с боевой авиацией и оставил своих друзей. Очень хотелось узнать, как поживает моя промокашечка. Меня, как вора, притягивало к себе место преступления. И хотя ничего противозаконного я не совершал, чувство неосознанной вины перед Леночкой оставалось. В душе я побаивался встречи с ней и долго колебался, идти в воскресенье в офицерский клуб, или остаться в гостинице. Но появился Голубков с женой под крендель и рассеял все мои сомнения:

– Ты что, дружище, в монахи записался? Пошли на танцы, тряхнём стариной.

Летом в клубе сделали ремонт, и он выглядел конфеткой в нарядном фантике. Остальное почти не изменилось. Тот же оркестр, та же обстановка, те же люди, разве что лица другие. Я внимательно разглядывал публику, выискивая знакомых, и натолкнулся на широкую, приветливую улыбку. Сердце ёкнуло и тревожно забилося, когда я узнал в ней самую близкую подругу Леночки. Неужели и она где – то рядом? Завороженный зовущим взглядом, я, как кролик, двинулся навстречу удаву, не в силах противостоять несокрушимоу гипнозу.

– Господи, – сказала она, подавая мне руку, – явление Христа народу. Какими ветрами? По агентурным данным ты должен быть в совершенно противоположной стороне.

– Попутными, Мариша, попутными, – исследовал я пространство за её спиной. Она это заметила и тотчас отреагировала:

– Не ищи. Леночки нет. Замуж вышла Леночка и укатила в Эстонию.

– Вот как, – с облегчением вздохнул я, – рад, что у неё всё устроилось, – и в свою очередь спросил:

– А ты – то, как здесь оказалась?

– Станный вопрос. Да с тобой решила встретиться. Что – то мне подсказало, что сегодня я обязательно тебя увижу, – рассмеялась девушка. – А если серьёзно, то куда, кроме вашего

клуба, можно пойти? Здесь столько романтики, а вокруг ходят заблудшие и холостые души лётчиков.

Я внимательно посмотрел на Марину:

– Ты что, влюбилась?

– Какие глупости. Влюбиться можно только раз, и я это давно уже сделала. А теперь мальчиков я разделяю на две категории: или они мне нравятся, или нет.

Забавно. Прямо философия какая – то.

Оркестр заиграл « Маленький цветок», танго, под звуки которого я познакомился с Леной, а теперь танцевал с её подругой. Серое платье плотно обтягивало высокую грудь Марины, и из – под его выреза, образуя соблазнительную ложбинку, виднелись аппетитные края белых булочек. «Вот бы откусить небольшой кусочек», – с озорством подумал я, с наслаждением прижимаясь к холмам девушки. Наши щёки почти соприкасались, и я с удовольствием вдыхал тонкий, волнующий аромат незнакомых женских духов. Ещё с первой встречи я интуитивно уловил, что она готова со мной подружиться, но отдал предпочтение Лене, и этим всё было сказано. Теперь Лены между нами не было, и путь к сближению с ней стал открытым. Так я себе воображал, осторожно, как бы случайно прикасаясь пальцами к копчику Марины. Именно там, говорят, находится одна из эрогенных зон женщины.

– Ну, а как на семейном фронте, всё в порядке?

– Лучше не бывает. Жена – красавица, сын – чудесный, работа по душе, – что ещё нужно нормальному человеку? – приосанился я. – А чем занимаешься ты?

– Устроилась библиотекарем. В прошлом году попыталась стать студенткой педагогического института, но не прошла по конкурсу.

– Не расстраивайся, какие твои годы. Захочешь, обязательно поступишь.

– Я тоже так думаю.

Весь вечер мы не отходили друг от друга, болтали про всякую чепуху, вспоминали забавные случаи, и Марина под заключительные звуки прощального вальса попросила проводить её домой.

– Надеюсь, дорогу не забыл?

Хрустел под ногами сухой декабрьский снежок, огромным фонарём светила полноликая луна, и Млечный путь широкой рекой уходил в бесконечно манящие космические дали. Всё было так же, как и два года назад, только теперь место Леночки занимала её подруга.

Мы свернули направо и остановились у калитки частного владения. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, виднелся дом, в котором жила моя подруга и где я провёл немало приятных минут. К сожалению, времени остановиться не прикажешь.

– Если ты думаешь, что останешься у меня до утра, то заблуждаешься, – услышал я неуверенный голос попутчицы и по её тону понял, что придётся заночевать. Нужно было найти только повод, чтобы она могла оправдаться перед собой в неприличном, но уже принятом ею решении.

Рассмеявшись, я ответил:

– Неужели за два последних года традиции гостеприимства в Сиверской изменились? Чаем – то хоть угостишь?

– Ну, разве что чаем, – поколебалась она и отворила калитку.

Мы избежали на крыльцо, Марина достала ключ, и я понял, что в доме никого нет. Меня это вполне устраивало. Не люблю встречаться с родственниками своих действующих и потенциальных любовниц. И если в силу обстоятельств это происходит, возникает ощущение, что меня рассматривают под микроскопом.

– Славное гнездышко, – раздевшись, осмотрелся я.

В центре большой комнаты, прямо под абажуром, стоял овальный стол, покрытый голубой скатертью и окружённый хороводом стульев с резными спинками. Напротив окна присло-

нился к стене диван в мягкой бархатной обивке, прямо по курсу глядело на меня трюмо, а сбоку слева высилась горка, за стеклом которой, как в витраже, были выставлены для всеобщего обозрения произведения хрустальных и фаянсовых дел мастеров. Пол застилал роскошный китайский ковёр с высоким ворсом. Помедлив, я сбросил и ботинки.

– И правильно, – одобрила Маришка, выставляя на салфетки две чайные пары. – Сейчас мы подогреемся.

Она исчезла на кухне, а я стал прикидывать, как бы, не задев честолубия девчонки, поймать её на диване, а лучше – на ковре. На таком пушистом любить женщину ещё не приходилось.

– Тебе кофе с сахаром или без, – донёсся вопрос девушки, и по тембру голоса я понял, что она волнуется.

– Без. И если можно, с лимоном, – обнаглел я, зная наперёд, что в декабре лимонов не бывает.

– Хорошо.

Вот как, здесь, кажется, и цитрусовые водятся. Богато живёшь, подружка. У тебя родители – что, подпольные миллионеры? На зарплату библиотекаря коньки можно отбросить.

Специфический аромат кофе заполнил гостиную. Я с удовольствием отхлебнул глоток обжигающей жидкости, потянулся за печеньем, и руки наши столкнулись. Мы засмеялись, но ладонь Марины я не выпустил, повернул тыльной стороной вверх и стал внимательно рассматривать.

– И что ты там увидел? – с интересом спросила она.

– Книгу твоей жизни, красивая, – настраиваясь на цыганский лад, начал я врать. – Видишь, вот эту линию до самого запястья? Она говорит о том, что на своём длинном веку ты испытаешь много счастливых минут и два потрясения. А эти, – провёл я пальцами по ярко выраженному «м», – означают, что будет у тебя две дочки и сын.

– А это что означает? – довольным голосом поощрила она мои поцелуи на своей руке. – Наверное, дань уважения к хозяйке дома?

– Не только, – возразил я и обнял девушку за талию. – Твои руки пахнут ванилью. А вот губы, какие они на вкус?

– А ты попробуй, – игриво рассмеялась она, и в глубине её зрачков возникло напряжение.

– И попробую.

– И попробуй.

Слегка волнуясь, я приподнялся со стула, осторожно прикоснулся к нежному подбородку девушки и повернул лицо к себе. Она порывисто встала, повернувшись всем корпусом навстречу и подняла глаза. Её пухленькие пунцовые губы трепетали, по щекам разлился румянец, и чувствовалось, что сердце её готово было выпрыгнуть из груди. Медленно, как в кино, мы стали сближаться, вслепую соприкоснулись носами, и она, не выдержав пытки, обняла меня за шею и стала жарко покрывать поцелуями. От неистовых ласк я совсем потерял голову, грубо мял её груди и тискал полушария великолепной попки. Пальцы сами отыскивали на платье молнию и потянули ползунок вниз. Марина задрожала, колени её подкосились, и я осторожно помог девушке опуститься на пол. Ковёр ласково принял наши тела, моя натренированная рука немедленно соскользнула на колено и забралась под подол.

– Мышка моя ясноглазая, – шептал я ей на ухо, добравшись до трусиков. – Только теперь я понимаю, как ты прекрасна. Ах, какая у тебя прелестная попочка!

Вместо ответа она закупорила мой рот своим языком и стала торопливо срывать с меня рубашку.

Но вдруг что – то произошло. Когда я распустил брючной ремень и выпустил сексуальный инструмент на свободу, когда после бурных ласк уже собирался её оседлать, она упёрлась ладонями в мою грудь и с силой оттолкнула, скрестив свои ноги.

– В чём дело, дорогая? Что – то не так? – вытащил я палец из зажатой щели. – Ты меня не хочешь?

– Не знаю, – ответила девушка, и слёзы навернулись на её глазах. – Уходи!

В растерянности, я приподнялся на локте, оглядел обнажённое, подготовленное к любви тело и недоумённо пожал плечами:

– Но ведь должно же быть какое – то объяснение твоему решению.

– Ах, какое там объяснение, – фыркнула Марина. – Ты предал мою подругу, а теперь собираешься изменить своей жене. И со мной поступишь так же. Все вы такие...

Она сделала паузу и брезгливо произнесла:

– Ловелас. Уходи!

Вот как, да в ней женская солидарность проснулась. Что ж, теперь нечего просить милости от природы. Силой брать женщину не в моих правилах.

– Мариша, милая, пойми меня правильно, я никого не предаю. Что ж выходит, если ты нашла пачку денег на дороге и их не кому вернуть, то по отношению к твоей получке это предательство? Глупо быть моралистом и отказывать себе в том, что ты хочешь.

Я поискал глазами сброшенные брюки и потянулся за ними рукой.

– Нет! – воскликнула Мариша, смахнув слёзы. – Я тебя так не отпущу.

Вот и пойми после этого логику женщины!

Словно заправский жокей, она вскинула ногу и оседлала мои тазобедренные суставы. Как из рога изобилия посыпались короткие страстные поцелуи и, словно ожидая этого, фаллос мгновенно восстал. Он всегда трепетно и чутко относился к женским ласкам вообще, и приходил в восторг, когда девушки соглашались поиграть с ним персонально. Пенис падок на нежности и презирает грубость.

Полные желания груди Марочки коснулись моей груди, её огнедышащий цветок с абсолютной точностью отыскал голову непутёвого кабачка и с удовольствием заглотнул его до самого корешка.

– Ах, – то ли от боли, то ли от удовольствия вырвалось из уст девушки самое популярное среди женщин междометие, и она выпустила своего кумира почти наполовину. – Ох, – спохватилась она, страстно загоняя его внутрь, чтобы не убежал.

Она стояла на коленях, руки её дрожали и упирались в мои развёрнутые плечи, я крутил её жёсткие соски и видел, что партнёрша млеет от удовольствия. Да – а, кто – то её уже научил получать наслаждение от секса.

Не в силах противостоять её позывам и желая продлить блаженство, я прижал бёдра моей скакуньи и замер:

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Давай чуть – чуть передохнём, иначе я не сдержусь.

Марина послушно застыла, наклонилась и, как кошка, стала вылизывать мои соски. Неведомая ранее истома поползла по телу и прибавила чувственности. Перчик мой ожил, стал сокращаться, и девушка сверху закрутила попкой, словно пыталась моим пестиком взбить сливки в своём стакане. Я пошёл ей навстречу, и скачки возобновились, но ненадолго. Не прошло и минуты, как я изогнулся, словно борец, выходящий на «мост», Мариша часто задыхалась, закрыла глаза, упала на мою грудь и затрепетала, издавая полные наслаждения нечленораздельные звуки. Крепко пережатый у основания, мой огурчик в три приёма выпустил скопившийся пар, и замер, нежно обласканный в гнёздышке курочки.

– Тебе хорошо? – с неподдельным интересом задала она риторический вопрос, когда мы уселись пить кофе. Странно, но женщин почему – то заботит именно он.

– Не то слово, дорогая, – успокоил я. – Просто восхитительно!

– Мне тоже было приятно. Знаешь, я с первой встречи хотела. Но ты был так увлечён!

– Лучше поздно, чем – никогда, – философски подытожил я наш диалог. – Давай – ка поспим пару часиков.

– А ты разве не в гарнизон?

– Ну, куда мне, на ночь глядя?

– Тогда я мигом, – оживилась Марина и принялась стелить постель.

Наутро «на посошок» мы снова занялись любовью, только на этот раз верховодил я.

На заре туманной юности, когда я с ненасытной жадностью пожирал глазами книгу за книгой, мне совершенно случайно попался трактат «О любви» Стефана Цвейга. Произведение философическое, но, тем не менее, любопытное и забавное. Оказывается, как таковая, любовь – не эфемерное понятие, не состояние души, а нравственная категория, имеющая четыре под-вида: любовь – влечение, любовь – страсть, любовь – привычка и – платоническая любовь.

В те далёкие времена я мало смыслил в тонкостях человеческих отношений, однако свою любовь к Светлане в тот час зачислил в разряд влечений. Мне и в голову не приходило, что возлюбленную можно трахнуть. Какое там, у меня дух захватывало от мысли, что к ней можно прикоснуться. И в этом плане любовь смахивала на безответную, строго законспирированную платоническую. Теперь, когда ненаглядная стала моей супругой, и я регулярно утолял свою страсть, оставалась только привычка. Впрочем, и она была с большой выслугой лет. Так что, вопреки утверждениям писателя, все разновидности любви во мне уживались скопом.

Замечание Марины о моей измене я списал на её молодость. Не такой я богач, чтобы пройти мимо лакомого кусочка, если он сам просится в рот. И измена – категория нравственная, но ничуть не физиологическая. Изменить – это значит навредить интересам семьи, замахнуть на её прочность, подорвать материальные устои. А какие убытки от того, что я бросил палку на стороне? Наоборот, я получил порцию адреналина, прочистил мозги, заработал с новой энергией и не нарушил рекомендаций гинекологов, убеждённых, что нормальная половая жизнь должна происходить не менее трёх раз в неделю.

Как – то я спросил одну из моих пассий, что она чувствует после близости с мужчиной.

– Необыкновенную лёгкость и огромный прилив душевных сил! – уверенно ответила она. И я ей поверил.

Молодость беспечна, абстрактно она никогда не стареет, если не привязана к конкретному человеку. Течения времени она тоже не замечает, и молодые смотрят на старость снисходительно и свысока. Они твёрдо убеждены, что шагреновая кожа для них безразмерна как космос, и никогда не сохнет.

Но время – единственная весома категория, которую не повернуть вспять. Увы, мы начинаем это понимать только на склоне лет...

В понедельник я сдал подготовленный материал в секретариат, просмотрел накопившуюся корреспонденцию, рассказал ребятам о новостях и получил предписание отправляться в пригородное местечко Парголово для освещения лыжных отборочных соревнований среди авиаторов.

Я никогда не был в Швейцарии, но много читал об этой стране, и не ошибусь, если скажу, что Всевышний при создании Земли отщипнул кусочек от швейцарских Альп и прилепил его в районе Питерской области. Заколдованное место, когда ты стоишь в окружении величественных сосен и жуткой тишины, а сверху, из поднебесья, лениво кружась, на тебя опускаются пушистые невесомые снежинки. Воздух чист и прозрачен, как горный хрусталь. Дышится легко и просто. Красота несказанная! И хочется жить, и тянет на подвиг.

На пороге гостиницы лицом к лицу я столкнулся с Васькой Макаровым, моим однокашником и непревзойдённым чемпионом училища по зимним видам спорта. На дистанции в пять километров он давал фору всему классному отделению не менее, чем в три минуты, и приходил к финишу первым. Внешне угловатый, ничем не привлекательный и даже флегматичный, он ходил по-матросски вразвалку, но разительно преобразался, если становился на лыжи.

Когда он летел по лыжне, всем казалось, что в задниках его ботинок вмонтированы миниатюрные реактивные двигатели, позволяющие ему удваивать длину каждого шага. Он, наверное, и родился с лыжами в придачу, потому что жил на охотничьей усадьбе, и все десять лет бегал в районную школу, расположенную в восьми километрах от дома. Каждый день по два раза, туда и обратно. Не мудрено, что он попал на армейские соревнования.

Встрече мы оба обрадовались, но он спешил на тренировку, и успел сообщить, что служит в Прикарпатье, летает на девятнадцатых, и что недавно стал командиром звена. Вот как! А я топчусь на месте, разрываюсь на части, пытаюсь поймать за хвост птицу призрачного счастья, а если вдуматься серьёзно, то катастрофически деградирую. Да то ли я делаю, тот ли путь выбрал и к чему стремлюсь? Что я болтаюсь, как дерьмо в проруби? То истребители, то вертолёты, то печать...

Не пора ли определиться всерьёз и навсегда?

Зря я не послушался совета моей матери. Мудрая женщина, она говорила, что прежде, чем начинать новое дело, нужно иметь свободный капитал. Не деньги, а именно капитал, который можно сколотить на любимой работе.

С «Капиталом» Карла Маркса я уже был знаком с училища, с занятий по марксистско-ленинской подготовке. Но там шла речь о золоте и деньгах, как эквиваленте овеществлённого труда.

С моей точки зрения, капитал имеет право на более широкую трактовку. Прежде всего – это приобретённый опыт и полученные знания. За них платят, и платят хорошо. В этом я убедился лично. Ну, и, конечно, информация. Не зря говорят, что тот, кто владеет информацией – владеет всем миром. Но и это не всё. Главное – достижение поставленной цели. Даже себе в убыток. Не дошедший до неё тоже получает информацию, которая оберегает его от будущих ошибок. И ещё неизвестно, что важнее, положительный или отрицательный результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.